

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ GOODREADS CHOICE

НЕ ПЛАЧЬ

М Э Р И
К У Б И К А

Судьбы героев романа
сплетаются в такой тугий узел,
что разрубить его суждено только трагедии,
от которой кровь стынет в жилах.

Chicago Tribune

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Иностранный детектив

Мэри Кубика

Не плачь

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)

Кубика М.

Не плачь / М. Кубика — «Центрполиграф»,
2016 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08204-6

Куин — референт в крупной юридической фирме — снимает вместе с еще одной девушкой Эстер квартиру на окраине Чикаго. Однажды Эстер исчезает. В ее комнате Куин находит странные письма с обращением к адресату «Любовь моя», а также прошение о смене имени, фотографии на паспорт и визитную карточку психотерапевта. Она надеется, что Эстер вернется, но в конце концов обращается в полицию, которая начинает расследование. А в это же время в маленьком городке на берегу озера Мичиган 18-летний Алекс встречает в кафе девушку, которая производит на него сильное впечатление. Она каждый день садится у окна и смотрит на дом, где ведет прием местный психотерапевт... Судьбы всех героев романа сплетаются в такой тугий узел, что разрубить его суждено трагедии, которая повергнет читателя в шок.

УДК 821.111-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08204-6

© Кубика М., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Не плачь	6
Воскресенье	7
Куин	7
Алекс	13
Алекс	17
Куин	23
Алекс	26
Куин	28
Алекс	32
Куин	34
Алекс	36
Куин	39
Понедельник	41
Алекс	41
Куин	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мэри Кубика

Не плачь

Роман

Mary Kubica
Don't You Cry
a novel

* * *

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Don't You Cry Copyright © 2016 by Mary Kyrychenko

«Не плачь» © «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Не плачь

Роман

Посвящается Питу

Воскресенье

Куин

Вспоминая тот день, я сама себе удивляюсь. Почему я сразу не поняла: что-то не так? Назойливое верещание будильника под утро, распахнутое окно, пустая постель... Позже я объясняла собственную беспечность множеством самых разных причин, от головной боли и усталости до откровенной глупости. И все же...

Я должна была сразу понять: что-то не так.

Я просыпаюсь от звука будильника. Узнаю будильник Эстер, который издает характерное верещание из ее комнаты через две двери.

– Сейчас же выключи! – ворчу я, накрывая голову подушкой. Переворачиваюсь на живот и заползаю под вторую подушку, чтобы приглушить звук, накрываю голову одеялом. Но не тут-то было. Я по-прежнему слышу противные звуки. – Эстер, какого дьявола! – кричу я, отшвыривая одеяло, и с трудом встаю.

Слышу рядом с собой жалобный стон, потом досадливый вздох. Чья-то рука тянется за одеялом. Голова у меня раскалывается. Сколько же я вчера выпила? Запоздало жалею о том, что заказала не только клюквенный смэш, но и «Бурбон Сауэр», а потом еще холодный чай потюкийски. Комната вокруг меня вращается, как хулахуп, и я внезапно вспоминаю, как крутилась на грязном танцполе с каким-то парнем по имени Аарон, Даррен... или Лэндон, а может, Брэндон. По пути домой партнер по танцам попросился ко мне в такси, а сейчас еще валяется в моей постели. Расталкиваю его и велю немедленно уходить. Сдергиваю с него одеяло.

– Соседка проснулась, – шепчу я, толкая его в бок. – Тебе пора уходить.

– У тебя есть соседка? – бормочет он.

Он сел, но еще не до конца проснулся. Трет глаза; на него падает свет уличного фонаря, который стоит напротив окна. Неожиданно я понимаю, что он по меньшей мере вдвое старше меня. Вижу, что волосы у него не русые, как мне показалось в полутемном баре, а седые, с оловянным отливом. И его ямочки на щеках, которые мне вчера в подпитии так понравились, вовсе не ямочки, а морщины.

– Дьявол тебя побери, Эстер, – бурчу я себе под нос, боясь, что верещание разбудило старую миссис Бадни с нижнего этажа. Сейчас она начнет молотить в потолок концом швабры, чтобы мы прекратили шуметь. – Тебе пора уходить, – повторяю я, и он уходит.

Бреду на звук в комнату Эстер. Будильник верещит, как цикада. Чтобы не споткнуться в темноте, держусь рукой за стену, но все равно несколько раз спотыкаюсь и ругаюсь себе под нос. Солнце взойдет через час, не раньше.

Еще нет и шести утра, но по воскресеньям Эстер встает очень рано и идет в церковь. Сколько я себя помню, Эстер каждое воскресенье поет в хоре в католической церкви на Катальпа-авеню. Голос у нее нежный, серебристый, умиротворяющий. Иногда я называю ее «святая Эстер».

Войдя к ней, я вздрагиваю от холода. Окно распахнуто настежь. Раннее ноябрьское утро... На письменном столе стопка тетрадей и распечаток, придавленная сверху тяжелым учебником: «Введение в трудотерапию». Бумаги неприятно шелестят на ветру. Подоконник заиндевел, стекла помутнели от конденсата. Комната промерзла насквозь. На полу валяется оторванная москитная сетка из стекловолокна.

Я высовываюсь из окна – может быть, Эстер на площадке пожарной лестницы? Снаружи темно. Мы живем в тихом квартале Чикаго. Вдоль улицы стоят припаркованные машины, засыпанные последними желтыми листьями, облетевшими с ближайших деревьев. Машины

и пожухлая трава в инее. Трава вянет; скоро она умрет. Из вентиляционных труб на крышах соседних домов к утреннему небу поднимаются столбики дыма. На Фаррагут-авеню спят все, кроме меня. На площадке пожарной лестницы пусто – Эстер там нет.

Отвернувшись от окна, я замечаю, что постельные принадлежности Эстер валяются на полу; вижу ее ярко-оранжевое пуховое одеяло и покрывало цвета морской волны.

– Эстер! – зову я, с трудом пробираясь по тесной квадратной комнатке, в которой едва умещается двуспальная кровать. Спотыкаюсь о грудку одежды, сброшенную на пол; нога запутывается в джинсах. – Проснись и пой! – говорю я, с силой ударяя по будильнику, чтобы выключить его. Правда, вместо того, чтобы выключить устройство, я включаю радио, и комнату заполняет какофония: бодрые голоса дикторов на фоне прежнего мерзкого верещания. Ну все, с меня хватит! – Эстер! – кричу я во весь голос.

Глаза привыкают к темноте, и я вижу, что в постели святой Эстер нет.

Наконец мне удастся отключить будильник и нащупать настенный выключатель. От яркого света болит голова, и я морщусь – вчера слишком много себе позволила. Медленно озираюсь по сторонам. Куда подевалась Эстер? Отгибаю край одеяла, лежащего на полу. Прекрасно понимаю, что веду себя нелепо, и все же заглядываю под него. Раздвигаю дверцы встроенного стенного шкафа; захожу в единственную в нашей квартире ванну. На туалетном столике в беспорядке расставлена наша общая косметика, пожалуй, слишком дорогая для нас.

Эстер нигде нет.

Сообразительность – не моя сильная сторона. Из нас двоих самая умная Эстер. Может быть, именно поэтому мне не приходит в голову сразу позвонить в полицию. Наверное, будь Эстер рядом, она бы тут же набрала нужный номер. Впрочем, сначала мне вовсе не показалось, что с Эстер что-то случилось. Ни тогда, ни позже я ничего плохого не заподозрила. Меня мучает похмелье, поэтому я закрываю окно и возвращаюсь в свою постель.

Во второй раз я просыпаюсь в начале одиннадцатого. Солнце уже взошло, и на нашей Фаррагут-авеню полно народу. Все заходят в кофейни и пекарни, завтракают, обедают – или что там положено делать в одиннадцатом часу утра? На прохожих дутые куртки или шерстяные пальто, на головах шапки, руки засунуты в карманы. Не нужно быть Эйнштейном, чтобы сообразить: на улице холодно.

Я же сижу в гостиной на двухместном диване цвета лепестков розы и жду, когда придет святая Эстер и принесет мне кофе с ореховым сиропом и бейглом. Так она делает каждое воскресенье, после того как попойет в церковном хоре. Она приносит мне кофе с бейглом; мы сидим на кухне за маленьким столом, едим и болтаем обо всем на свете. Надеюсь, что Эстер повеселит меня историями о том, как какой-то младенец не переставая вопил на протяжении всей службы, а регент церковного хора перепутал ноты. Я же поделюсь с ней тем, что случилось накануне: я перебрала, привела домой едва знакомого типа, какого-то безликого мужика, которого Эстер не видела, но наверняка слышала, потому что стены в нашей квартире тонкие, как бумага.

Вчера вечером я собралась в бар, но Эстер со мной не пошла. Она предпочла остаться дома и отдохнуть. Сказала, что простудилась, но, вспоминая вчерашний день, я вдруг понимаю, что не заметила у нее никаких симптомов простуды – она не кашляла, у нее не текло из носа и не слезились глаза. Эстер сидела на диване в байковой пижаме, укрывшись пледом. «Пошли со мной», – уговаривала я. На Балморал-стрит как раз открылся новый бар, из тех, где любят сидеть девушки и подают только мартини. «Пошли со мной», – уговаривала я, но она отказалась. «Куин, я только испорчу тебе настроение, – сказала она. – Иди без меня, тебе будет веселее».

«Хочешь, я побуду дома, с тобой? – спросила я для очистки совести. – Закажем китайскую еду...» Откровенно говоря, ужинать дома мне совсем не хотелось. Я надела новое платье

и туфли на высоких каблуках, уложила волосы, накрасилась. Я даже ноги побрила; в общем, совсем не рассчитывала остаться дома. И все-таки я это предложила.

Эстер отказалась, велела идти без нее и развлекаться.

Так я и поступила. Пошла без нее и развлекалась. Только пошла я не в тот бар, где подавали мартини. Тот бар я приберегла для следующего раза, когда Эстер сможет пойти со мной. А сама отправилась в какую-то убогую дыру с караоке; там я напилась и притащила домой незнакомца.

Когда я вернулась, Эстер уже лежала в постели и дверь в ее комнату была закрыта. Во всяком случае, тогда я так думала.

Сидя на диване и вспоминая утренний визит в комнату Эстер, я гадаю: с чего вдруг моя подруга решила вылезти в окно и уйти по пожарной лестнице?

Я думаю и думаю, но мысли упорно возвращаются к «Ромео и Джульетте», к знаменитой сцене, когда Джульетта признается Ромео в любви, стоя на балконе своего дома (пожалуй, это единственное, что я запомнила из средней школы, кроме того, что из баллончика для перьевой ручки удобнее всего стрелять бумажными шариками).

Неужели Эстер среди ночи вылезла в окно из-за какого-то парня?!

Конечно, в конце той пьесы Ромео выпивает яд, а Джульетта закалывается кинжалом. Да-да, я читала книжку. Более того, я видела фильм, который сняли в девяностых, с Клэр Дейнс и Леонардо Ди Каприо. Я знаю, чем все кончается в кино: Ромео выпивает яд, а Джульетта стреляет себе в сердце из пистолета. Надеюсь, что у Эстер все закончится лучше, чем у Ромео с Джульеттой.

Пока мне остается только одно: ждать. Поэтому я сижу на розовом диванчике, смотрю на пустой кухонный стол и жду, когда Эстер вернется домой, независимо от того, провела она ночь в своей постели или вылезла в окно и спустилась с третьего этажа по пожарной лестнице. Как она ушла – совершенно не важно. Я по-прежнему в пижаме – верх из вафельной ткани и фланелевые шорты. Ноги мои украшают толстые шерстяные носки. Я жду, когда мне принесут кофе с бейглом. Поняв, что их не будет, я злюсь на Эстер. По ее вине сегодня мне придется обойтись без завтрака и кофеина.

* * *

К полудню я делаю то, на что способен любой уважающий себя взрослый человек: звоню в ресторан сети «Джимми Джонс». На то, чтобы мне принесли заказанный большой сэндвич с грудкой индейки, салатом, помидорами и майонезом, уходит целых сорок пять минут; за такой срок, как мне кажется, мой желудок начал переваривать сам себя. Целых четырнадцать часов у меня маковой росинки во рту не было... точнее, росинка была, но алкогольная. В общем, такое чувство, будто живот у меня раздулся, как у голодающих детей, которых показывают по телевизору. Сил не осталось. Смерть неминуема. Наверное, я скоро умру.

Но жужжит домофон, я проворно вскакиваю и бегу открывать. Наконец-то доставка! Я здороваюсь с курьером из «Джимми Джонса», беру заказ и даю курьеру чаевые, несколько жалких долларов, найденных в конверте с надписью «За квартиру». Конверт Эстер хранит в кухонном шкафчике.

Обедаю я, склонившись над унылым металлическим кофейным столиком, а затем делаю то, что на моем месте сделал бы каждый уважающий себя гражданин, у которого пропала соседка. Я вламываюсь в комнату Эстер без тени раскаяния, без малейшего чувства вины.

Эстер взяла себе меньшую из двух спален. Ее комната по размеру чуть больше отделения морозилки. Почти все пространство спальни занимает широкая кровать – от одной крупнористой стены до другой. Мимо кровати приходится протискиваться боком. И за такие роскош-

ные условия – стены из крупнопористого бетона и комнату размером с отделение морозилки – в Чикаго приходится платить тысячу сто долларов в месяц.

Я протискиваюсь мимо изножья кровати, спотыкаясь об одеяло с покрывалом, которые так и валяются на поцарапанном деревянном полу. Смотрю на пожарную лестницу – площадка как раз под окном у Эстер. Несколько лет назад, когда я сюда въехала, мы еще шутили: мол, Эстер специально выбрала себе комнату поменьше. Зато благодаря тому, что под ее окном пожарная лестница, именно она останется в живых, если наш дом когда-нибудь загорится. Тогда я ничего не имела против. И сейчас не имею – ведь в моей комнате уместятся не только кровать, письменный стол и комод; у меня есть даже кресло из ротанга. А пожара в нашем доме никогда не было.

Я снова думаю о том, какая муха укусила Эстер. С чего вдруг она вылезла в окно среди ночи? Почему не вышла через дверь? Правда, я не слишком беспокоюсь, точнее, совсем не беспокоюсь. Эстер уже случилось вылезать из дому по пожарной лестнице.

Мы постоянно сидели на металлической площадке у нее за окном, как на балконе. Мы пили коктейли и смотрели на луну и звезды, болтая ногами над отвратительным чикагским переулком. Сидеть на площадке пожарной лестницы вошло у нас в привычку. Сидя на «нашей» площадке спиной к неудобной решетке, мы делились своими тайнами и мечтами, пока от железных прутьев не немели спины.

Но даже если Эстер ночью и побывала на площадке, сейчас ее там нет.

Куда она подевалась?

Я открываю ее стенной шкаф. Пропали ее любимые сапожки. Похоже, она обулась, открыла окно и покинула дом с какой-то целью.

Да, внушаю я себе, иначе и быть не может. На душе у меня становится легче. Ничего с Эстер не случилось. С ней ничего не случилось, твержу я себе. И все же... Почему?

Я смотрю в окно. День тихий. Утреннее «кофейное оживление» сменилось тихой кофейиновой дремотой; на улице ни души. Наверное, половина чикагцев сейчас сидит перед телевизором, переживая за «Медведей», которые столкнулись с очередным сокрушительным поражением.

Заставив себя на время забыть о пожарной лестнице, приступаю к осмотру комнаты. Нахожу рыбку, которую давно не кормили. Из пластмассовой корзины, стоящей в стенном шкафу, вываливается грязное белье. Нахожу узкие джинсы. Легинсы. Спортивные штаны для бега. Бюстгалтеры и старомодное нижнее белье. На полке аккуратно сложенная стопка белых блузок. Флакон ибупрофена. Бутылка воды. Университетские учебники – их так много, что груда доходит до столешницы письменного стола из «Икеи», который мы собрали сами. Какие-то книги лежат на столе, придавливая бумаги. Я выдвигаю один ящик, но внутрь не заглядываю. По-моему, рыться в ящиках неприлично, гораздо неприличнее, чем осматривать то, что лежит сверху: ноутбук, айпод, наушники и кое-что еще.

К стене приколата фотография. Мы с Эстер снимались в прошлом году, на Рождество. Тогда мы сделали селфи с нашей искусственной елкой. Вспоминая тот день, я не могу удержаться от улыбки. Чтобы добыть елку, нам с Эстер пришлось лезть по сугробам. На фото мы с Эстер прижимаемся друг к другу, чтобы войти в кадр, и искусственные вечнозеленые ветки лежат у нас на головах, а мишура липнет к одежде. Мы смеемся. У меня вид самодовольный, а Эстер обаятельна, как всегда. Елка принадлежит Эстер; она хранит ее на арендуемом складе в конце квартала, в боксе размером три метра на полтора. За аренду она платит шестьдесят баксов в месяц. На складе она хранит старые гитары, лютню и все остальное, что не помещается в ее комнатушку, в том числе велосипед. И конечно, искусственную елку. В декабре прошлого года мы отправились на склад вместе, потому что решили во что бы то ни стало разыскать дерево. Мы пробирались сквозь свежевыросшие сугробы, и ноги вязли в снегу, как в зыбучем песке. Снег продолжал идти; снежинки падали с неба, похожие на большие, толстые, пуши-

стые ватные шарики. Машины, припаркованные по обочинам дороги, накрыло словно пуховым одеялом; владельцам оставалось либо откапывать их, либо ждать оттепели. Из-за снегопада полгорода оказалось отрезанным от остального мира, и улицы – редкий случай – были пустынными. Мы с Эстер брели по снегу, во всю глотку распевая рождественские песни – все равно нас никто не слышал. По дорогам в тот день ездили только снегоочистители, да и они пробирались с трудом. Работу отменили – и у Эстер, и у меня.

Итак, мы шли на склад, где рассчитывали найти маленькое пластмассовое деревце, которое должно было украсить нашу квартиру в праздники. По пути к боксу, в коридоре, мы остановились перед камерой видеонаблюдения и исполнили для охранника головокружительный танец. При этом мы обе истерически хохотали. Мы живо представляли себе охранника – вызывающего дрожь тихого интроверта, который сидит в своей камере и наблюдает по монитору, как мы отплясываем ирландскую джигу. Мы хохотали до упаду, а когда наконец отсмеялись, Эстер отперла своим ключом навесной замок, и мы принялись рыться в ее боксе номер двести три. Я еще заметила, как странно: мои родители живут в доме двести три по Дэвид-Драйв. Судьба, заметила Эстер, но я возразила: нет, не судьба, а просто дурацкое совпадение.

Поскольку разобранная елка хранилась в коробке, найти ее оказалось нелегко. Коробок в боксе было много. Целая куча. Я нечаянно споткнулась о какую-то коробку, как оказалось, совсем не ту, что надо. Я сняла крышку – в коробке лежали фотографии. Какие-то люди сидели у невысокого дома. Я вытащила одну наугад и спросила у Эстер: «Кто это?» Она поспешно выхватила у меня снимок и резко ответила: «Никто!» И хотя я толком не рассмотрела фотографию, мне вовсе не показалось, что на ней никого не было. Но я не настаивала. Я сразу поняла, что Эстер не любит рассказывать о своей семье. В то время как я без конца ныла и жаловалась на своих близких, Эстер держала свои чувства при себе. Она бросила снимок назад в коробку и закрыла крышку. Вскоре мы нашли елку и вместе оттащили ее домой, а по дороге зашли в нашу любимую закусочную, где, кроме нас, почти никого не было. Мы ели блинчики и пили кофе в пустом зале среди бела дня. Смотрели, как падает снег. Мы смеялись над соседями, которые с трудом пробирались по сугробам или выкапывали свои машины из снежных завалов. Везунчики, которым удавалось откопать машины, спешили застолбить расчищенные места за собой. Они заставляли их тем, что попадалось под руку, – ведром, стулом, – чтобы там больше никто не парковался. Свободные парковочные места у нас на вес золота, особенно зимой. В тот день мы с Эстер сидели в закусочной, смотрели, как наши соседи тащат из домов стулья и другие вещи, чтобы застолбить за собой расчищенные парковочные места, которые скоро вновь засыплет снег, – и смеялись. Мы радовались, что у нас нет машины. А потом мы с Эстер отнесли елку домой и весь вечер украшали ее игрушками и гирляндами. А когда закончили, Эстер села по-турецки на розовый диванчик и стала перебирать гитарные струны, а я мурлыкала себе под нос «Тихую ночь» и «Колокольчики звенят». Это было в прошлом году. На Новый год она подарила мне шерстяные носки на толстой подошве, чтобы у меня не мерзли ноги. Я без конца жаловалась, как мне холодно; я не могла согреться. Подарок свидетельствовал о ее заботе и внимании; он доказывал, что она слушала меня, когда я жаловалась на холодные ноги. Я смотрю на свои ноги: вот они, шерстяные носки. А где Эстер?

Поиски продолжаются. Я сама не знаю, что ищу, но нахожу только разрозненные ручки и автоматические карандаши. Любимая с детства мягкая игрушка, выцветшая и потертая, лежит на полке неглубокого стенного шкафа. Старые раздвижные дверцы плохо ходят по направляющим. Вдоль дверцы выстроились обувные коробки. Заглянув в них, я понимаю, что красивой обуви у Эстер нет. Практичные туфли без каблука, мокасины, кеды – черные, белые и коричневые. Ни одной пары на каблуках. И ни одной пары другого цвета...

И еще письмо.

Оно лежит на столе из «Икеи», в стопке бумаги под учебником по основам трудотерапии, среди счетов за мобильную связь и домашних заданий.

Письмо не запечатано; листок сложен втрое, как будто она собиралась сунуть его в конверт и послать по почте, а потом ее отвлекли.

Я завинчиваю крышку на бутылке с водой, собираю упавшие ручки. Как это я до сих пор не замечала, какая Эстер неряха? Чего еще я не знала о своей соседке?

Конечно, я читаю письмо, потому что... как теперь его не прочесть? От письма меня бросает в дрожь. Оно напечатано на машинке – вполне в духе такой дотошной особы, как святая Эстер, – и подписано: «С любовью, Э. В.». Эстер Вон...

До меня с опозданием доходит: может быть, святая Эстер вовсе не такая уж и святая.

Алекс

Сразу должен пояснить вот что: в привидения я не верю.

Для всего можно найти логическое объяснение, и иногда оно оказывается совсем простым, вроде лампочки, которая вот-вот перегорит. Или неработающего выключателя. Или неисправной проводки.

Я стою на кухне в одном ботинке, допиваю остатки газировки. Надеваю второй ботинок и замечаю вспышку света в доме напротив, через дорогу. Есть – нет. Есть – нет. Как произвольные сокращения мышц, тик, подергивание. Есть – нет.

Потом свет гаснет, и я уже не понимаю, на самом ли деле он включался, или у меня просто разыгралась фантазия.

Когда я выхожу, отец ничком лежит на диване, раскинув ноги и руки. Рядом, на кофейном столике, початая бутылка канадского виски, «Гибсонс Файнест». Крышка потерялась где-то среди подушек или зажата в его потной ладони. Отец храпит, из груди вырывается сухой хрип, как у гремучника. Рот у него открыт, голова на подлокотнике. Он наверняка отлежит шею и, проснувшись, почувствует это вдобавок к головной боли от похмелья. Воздух в комнате спертый. Дыхание у отца несвежее, как будто старый выхлоп. Азот, угарный газ и оксид серы наполняют комнату. Словно гостиную заволакивает черный дым. Конечно, мне это только кажется, но я невольно зажимаю нос.

Отец не снял ботинок – темно-коричневых, кожаных. Один развязан, и шнурки свисают с дивана.

Куртку он тоже не снял, нейлоновую куртку темно-зеленого цвета. Она застегнута на молнию. Судя по запаху старомодного одеколона, вчера у него было очередное свидание. Очередное неудачное свидание. Оно прошло бы куда успешнее, если бы он снял обручальное кольцо. Шевелюра у него гуще, чем у многих его ровесников; он стрижется коротко, и все же волосы на макушке и по бокам уже отросли. Рыжеватые волосы неплохо выглядят на фоне дубленой кожи. Многие его одноклассники уже лысые и толстые. Мой отец не такой. Он выглядит молодцом.

И все же, даже когда отец спит, сразу видно, что он потерпел в жизни поражение. Он пораженец, что гораздо более серьезная беда для сорокапятiletних мужчин, чем животик или редущая шевелюра.

А еще он пьяница.

Телевизор работает со вчерашнего вечера; сейчас показывают мультики, как всегда рано утром. Я выключаю его и выхожу на крыльцо. Смотрю на заброшенный дом через дорогу, где всего несколько минут назад то включался, то выключался свет. Есть – нет. Дом очень маленький, старый, желтый, как школьный автобус. Бетонное крыльцо, алюминиевый сайдинг, провалившаяся крыша...

В доме напротив никто не живет. Жить в таком доме хочется не больше, чем лечить зубной канал или ложиться на операцию по удалению аппендикса. Много зим назад водопроводная труба замерзла и лопнула – во всяком случае, так мы слышали – и все внутри залито водой. Некоторые окна забиты досками, их иногда отдирают будущие гангстеры. Двор зарос бурьяном, газон погиб. Водосточная труба прохудилась, раструб валяется на земле. Скоро его завалит снегом.

Это не единственный заброшенный дом на нашей улице, но единственный, о котором столько говорят. В том, что гниют и разрушаются другие дома, виноваты экономика и рынок жилья, спад, который свел на нет ценность остальных наших домов и превратил некогда идиллический район в позорное пятно.

Но с домом напротив нашей история совсем другая.

Я засовываю руки в карманы серой куртки и быстро шагаю по улице.

Утром озеро сердится. Волны плещут о берег, вода набегает на песок. Холодная вода, не больше двух градусов. Хотя и выше нуля, потому что пока не замерзает. Прошлой зимой, когда ударил мороз, озеро Мичиган замерзло, и льдины терлись о деревянный пирс. Правда, то было прошлой зимой. Сейчас еще осень. У озера будет время, чтобы покрыться льдом.

Я отхожу на пару метров от воды, чтобы не промочить ботинки. Но они все равно промокают. Сейчас прилив, волны докатываются до середины пляжа. Будь сейчас лето, туристический сезон, пляж наверняка закрыли бы: из-за отбойных волн купаться опасно. Но сейчас не лето. И туристов нет.

В городке тихо; многие магазины закрылись до весны. Над головой серое небо. Светает все позже, а темнеет все раньше. Я задираю голову. Звезд нет; не видно и луны. Они спрятаны за плотным слоем облаков.

Громко кричат чайки. Они кружат над головой; их можно различить лишь в тусклом луче из световой камеры маяка. Свищет ветер, поднимая на озере рябь, и чайкам трудно летать, во всяком случае, по прямой. Их уносит в сторону. Они упрямо хлопают крыльями и все же зависают на одном месте – они никуда не двигаются, совершенно никуда, как и я.

Я натягиваю на голову капюшон, чтобы в глаза и волосы не попадал песок.

Пересекаю парк, удаляясь от озера, и прохожу мимо старинной карусели. Смотрю в нарисованные глаза лошади, жирафа, зебры. Прохожу мимо кабинки в виде морского змея – шесть лет назад в ней я впервые в жизни целовался. Ли Форни теперь первокурсница в Мичиганском университете; изучает биофизику или что-то молекулярное – во всяком случае, так я слышал. Нет, не только Ли. Ник Бауэр и Адам Готт тоже уехали. Ник учится в Калифорнийском технологическом, а Адам – в Университете Уэйна, он разыгрывающий в баскетбольной команде. Ну и Персивал Аллард, он же Перси, поступил в какой-то колледж Лиги плюща в Нью-Гемпшире.

Все уехали. Все, кроме меня.

– Опаздываешь, – говорит Придди после того, как меня выдает звон колокольчика над дверью.

Придди стоит за стойкой и пересчитывает долларовые купюры в кассовом ящике. Двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Она даже не поднимает на меня глаза, когда я вхожу. Длинная челка закрывает ей лицо; тугие серебристые кудряшки достают до плеч накрахмаленной строгой блузки.

Только Придди можно ходить с распущенными волосами. У официанток, которые снуют вокруг в своей черно-белой форме, расставляют по столам солонки, перечницы и миски с замесами сливок, волосы стянуты в конские хвосты или заплетены в косы. Миссис Придди не такая, как все.

Вначале я попробовал было звать ее Бронуин. В конце концов, так ее зовут. Имя написано на ее бейджике: «Бронуин Придди». Однако ей это не понравилось.

– Пробки, – говорю я, и она хмыкает. На безымянном пальце у нее обручальное кольцо, которое подарил ей покойный муж, мистер Придди.

Говорят, он и умер потому, что не вынес ее постоянного хмыканья. Так это или нет, могу только гадать. У Придди родинка на лице, в ложбинке между ртом и носом. Родинка выпуклая, темно-коричневая и идеально круглая; из нее торчит седой волос. Почти все мы считаем Придди ведьмой. Не только из-за родинки, конечно, еще из-за ее злобности. Ходят слухи, что метлу свою она держит в запертом чулане за кухней. Метлу, котел и что там еще требуется ведьме – летучую мышь, кошку, ворону? Она прячет свои вещи за металлической дверью, хотя иногда кажется, будто оттуда доносится кошачье мяуканье и карканье. И будто летучая мышь хлопает крыльями.

– Пробки? Это сейчас-то? – переспрашивает Придди.

Она улыбается. Над верхней губой у нее светлый пушок – его не мешало бы свести. Наверное, чтобы он был не так заметен, она красит брови. Они у нее темно-русые, хотя им уже положено поседеть. Может быть, она считает, что брови отвлекают внимание от ее усиков.

Придди ненадолго перестает считать деньги и, глядя, как я стаскиваю бежевую куртку, язвительно замечает:

– К твоему сведению, Алекс, посуда сама не помоеется. Ну-ка, за работу!

По-моему, в глубине души она меня любит.

Утро проходит как всегда. Каждый новый день похож на предыдущий. Одни и те же посетители, одни и те же разговоры. Только одежда меняется в зависимости от погоды. Само собой разумеется, первым придет мистер Паркер; в обеденный перерыв он выгуливает двух своих собак – бордер-колли и бернского зенненхунда. Собак он привяжет к уличному фонарю у входа; после него на полу останутся грязные следы с обрывками палых листьев; потом мне велят вымыть грязь. Мистер Паркер закажет черный кофе («с собой»), а чуть позже позволит Придди уговорить себя на какое-нибудь печенье, которое ошибочно называют «домашним». Сначала он два раза откажется, а на третий раз согласится и понюхает печенье, словно надеется найти в нем несуществующие дрожжи и масло.

Само собой разумеется, по крайней мере одна официантка перевернет на пол полный поднос еды. Почти все они будут досадовать на скудные чаевые. И на посетителей – в выходные утренние клиенты засиживаются в зале, без конца пьют кофе и болтают ни о чем. Потом время завтрака плавно перетечет в обеденное и они наконец уйдут. Но в будние дни около девяти утра в кафе болтаются только пенсионеры или водители школьных автобусов. Они ставят свои машины вторым рядом на парковке сзади и все утро жалуются на своих грубиянов-подопечных, то есть на всех детей в возрасте от пяти до восемнадцати лет.

В такое время года, как сейчас, чужаков у нас не бывает. Каждый день похож на предыдущий, чего нельзя сказать о летних месяцах, когда к нам иногда заглядывают туристы. Туристы – это лотерея. Бывает, что у нас в самый неподходящий момент заканчивается бекон. Какой-нибудь умник непременно поинтересуется, из чего на самом деле делают начинку в шоколадных круассанах. Придди посылает кого-нибудь из нас посмотреть в мусоре коробку и прочесть. Отпускники фотографируют вывеску над входом; они делают селфи с официантками, как будто здесь какая-то достопримечательность, известное место. Многие говорят: мол, в каком-то путеводителе по Мичигану наше кафе названо лучшим в городе. Туристы интересуются, можно ли купить наши фирменные кружки – название кафе напечатано на них старинным шрифтом. Придди продает им эти кружки втридорога, по девять долларов девяносто девять центов – сама-то покупает их оптом, и каждая обходится ей всего в полтора доллара. Обдиравка!

Но сейчас, в мертвый сезон, никаких туристов нет, и каждый день повторяется одно и то же. Так же пройдет и сегодняшний день. И завтрашний. И прошел вчерашний. По крайней мере, день начинается как обычно. Заходит мистер Паркер с двумя своими псами и заказывает кофе («черный, с собой»). Придди предлагает ему круассан, и мистер Паркер, прежде чем согласиться, два раза отказывается.

Но ближе к полудню кое-что происходит, кое-что необычное, из-за чего день становится не похожим на предыдущие.

«Любовь моя,

Вот одно из моих последних воспоминаний о тебе – как твои руки обнимают ее за шею, и ее мягкая грудь прижимается к тебе сквозь тонкую ткань прозрачной белой блузки. Да, она была настоящей красавицей, и это еще мягко сказано, и все же я не могла оторвать глаз от тебя – я любовалась твоей великолепной кожей, твоими сияющими глазами, изгибом твоих губ, когда она

проводила по ним подушечками пальцев, а потом прижималась к ним своими губами. Целовала тебя.

Я смотрела на вас в окно. Я стояла посреди улицы, не пряталась в тени или за деревьями. Да, я стояла посреди улицы, не обращая внимания на поток машин. Странно, что она не видела меня, не слышала рева клаксона, который нажали, чтобы я отошла. На меня кричали, но я не двигалась с места. Меня невозможно было сдвинуть с места. Я была поглощена наблюдением за вами. Вы так крепко обнялись! Я не могла отвести от вас взгляд – и злилась. Может быть, вы и видели меня. Видели, но притворились, будто ничего не видите и не слышите.

Наступил вечер, сгустились сумерки; я прижалась носом к стеклу, чтобы лучше видеть, что происходит внутри. Шторы не были задернуты, в комнате горел свет. Вы как будто хотели, чтобы я все видела. Вы упивались, наслаждались, радовались своей победе. А может быть, все придумала она и нарочно оставила свет включенным, чтобы я все видела. В конце концов, она ведь победила! Вы были словно актеры на сцене в лучах софитов. Вы улыбались, смеялись. А меня никто не замечал. Меня ведь уже вытеснили, заменили. Меня как будто вообще никогда не было. Только вы были не на сцене, а в гостиной того дома, в котором должна была жить и я.

Мне очень нужно знать: вы меня тогда видели? Вы нарочно хотели меня разозлить?

С любовью, Э. В.».

Алекс

Волосы у нее темно-русые. Но не везде. У корней они темнее, а к кончикам светлее, почти платиновые. Это называется колорирование, или омбре. Постепенный переход оттенков от темных к светлым. Иногда трудно понять, крашенные волосы или просто выгорели на солнце. Волосы у нее до плеч. С ними хорошо сочетаются карие глаза; они, как и волосы, как будто меняют цвет, если долго смотреть. Она входит одна, пропустив вперед двух стариков и придерживая для них дверь. На ногах у нее сапожки-угги – наверное, дорогие. Она отходит в сторону и ждет, когда старики займут столик, хотя ясно, что она пришла раньше. Стоя у входа, она почему-то выглядит одновременно уверенной в себе и робкой. Она не сутулится, не суетится и не нервничает, а спокойно ждет своей очереди.

Но глаза у нее пустые.

Хотя никогда ее здесь раньше не видел, я уже много лет представляю, что она придет.

Когда подходит очередь, ее усаживают за столик у окна. Оттуда удобно наблюдать за предсказуемыми посетителями. Одни приходят, другие уходят. Зато в ней ничего предсказуемого нет. Она снимает пальто в черно-белую клетку. Потом стаскивает черную вязаную шапочку, плотно облегающую голову. Шапочку она бросает на пустую коричневую банкетку, рядом со своей холщовой сумкой. Разматывает вязаный шарф и его тоже кладет на банкетку.

Она миниатюрная, хотя и не такая, как те худосочные модели, на чьи фото можно поглазеть в модных журналах, пока стоишь в очереди в кассу в супермаркете. Нет, она совсем не такая. Она не тощая, как иголка, но телосложение у нее хрупкое. Ее можно назвать невысокой, но не миниатюрной; худенькой, но не тощей. Скорее, она среднего роста и нормального телосложения... правда, к ней и такие слова не подходят.

Под пальто на ней джинсы и толстовка – синяя, с карманами.

Снаружи занялся день. Еще один день без солнца. Тротуар завален палой листвой – пожухлой и засохшей. Те листья, что остаются на деревьях, к концу дня тоже опадут, если западный ветер не утихнет. Он неожиданно налетает из-за углов зданий из красного кирпича, заползает под пестрые маркизы, где только и ждет, как бы стащить у кого-нибудь шляпу с головы или вырвать газету из рук, утепленных перчатками. Дождя можно не опасаться – во всяком случае, пока. Но холод и ветер сулят скорую зиму. Поэтому многие сегодня стараются не выходить на улицу.

Она заказывает кофе. Сидит за столиком у окна, пьет кофе из дешевой керамической кружки, купленной с оптовой скидкой, и смотрит в окно, хотя смотреть-то особенно не на что: кирпичные здания, разноцветные маркизы, палая листва.

Из нашего кафе не видно озера Мичиган. Но посетители все равно любят сидеть за столиками у окон и представлять себе, что озеро совсем рядом. Восточный берег озера действительно недалеко. Нас называют «прибрежным округом»: несколько маленьких городков на берегу озера километрах в ста – ста пятидесяти от Чикаго. Вроде бы не так далеко, а для меня сто километров – все равно что три штата или целый мир. Чикаго! Во всяком случае, отсюда приезжают почти все наши посетители. Попадают приезжие из Детройта, Кливленда или Индианаполиса. Но чаще всего из Чикаго. Наш городок – хорошее место, где можно провести выходные. Во всяком случае, дольше, чем на два дня, у нас почти никто не задерживается.

И даже такое случается главным образом летом, когда к нам в самом деле кто-то приезжает.

Сейчас не приезжает никто. Никто, кроме нее.

Наше кафе довольно далеко от Главной улицы; после нас магазины и рестораны уже сменяются жилыми домами. А рядом с нами всего понемножку – с одной стороны сувенирный магазин, с другой – маленький отель. На той стороне улицы, мощенной брусчаткой, приемная

психотерапевта. Она находится в ряду домов на одну семью. Кондоминиумы. Автозаправка. Еще одна сувенирная лавка, закрытая до весны.

Мимо меня проходит официантка и щелкает пальцами у меня перед глазами.

– Второй столик, – говорит девушка, которую я прозвал Рыжиком. У меня для всех есть клички: Рыжик, Косичка, Скобка. – Второй столик нужно убрать.

Я не двигаюсь с места. По-прежнему глазею. Я и госте даю прозвище, которое, по-моему, очень ей подходит. Она смотрит в окно и о чем-то мечтает. Строит замки на песке. Большое событие – наконец-то у нас что-то происходит. Наконец-то день не похож на другие дни. Здесь, у нас, где вообще ничего не происходит. Если бы Ник или Адам остались, а не уехали в колледж, я бы позвонил им и рассказал о девушке, которая сегодня зашла в кафе. О ее глазах и волосах. И они захотели бы узнать подробности: в самом ли деле она отличается от тех безликих, одинаковых девушек, которых мы видим каждый день, девушек, которых знаем с первого класса? И я сказал бы им: да, она другая.

Мой дед обычно называл бабушку – в молодости она была брюнеткой, хотя я запомнил ее с копной седых волос – Капучеттой. Видимо, прозвище имеет какое-то отношение к монахам-капуцинам, во всяком случае, так утверждал мой дед-итальянец; капюшоны, которые носили монахи, вроде бы напоминали шапку пены на кофе, который поэтому тоже стали называть капучино. Во всяком случае, так утверждал дедушка, когда смотрел бабушке в глаза и называл ее Капучеттой.

Ну а мне просто нравится само звучание слова. По-моему, такое прозвище тоже подошло бы этой девушке, хотя волосы у нее совсем не темные, а переливчатые. Она окутана таинственностью, словно скрыта под капюшоном монашеской рясы. Но я не люблю кофе... Потом я замечаю на ее тонком запястье жемчужный браслет – он кажется слишком маленьким даже для ее узкой руки. Эластичный шнурок, на который нанизаны молочно-белые жемчужины, туго натянулся и врезается в кожу – наверное, если снять его, можно будет увидеть красный след.

Жемчужины потускнели и стерлись по краям.

Она то и дело машинально дергает шнурок, но потом отпускает, и браслет снова врезается в кожу. Ее простой жест завораживает. Дерг. Дерг. Дерг. Я какое-то время наблюдаю за ней, не в силах оторвать взгляд от браслета и ее гибких рук.

Жемчуг решает дело. Никакая она не Капучетта, решаю я. Буду звать ее Перл – Жемчужиной!

В кафе входит группа прихожан; они бывают у нас каждую неделю в одно и то же время. Они занимают свой обычный большой стол, за которым умещается десять человек. Хотя они ничего не заказывают, им сразу приносят два кофейника. В одном обычный кофе, в другом – с пониженным содержанием кофеина. Им ничего и не нужно заказывать, все и так известно. Они бывают у нас каждое воскресное утро: теснятся за одним и тем же столом, страстно обсуждают такие вопросы, как проповеди, священники и Священное Писание.

Официантка Косичка три раза подряд выходит на перекур. Когда она наконец возвращается, от нее воняет табачной фабрикой. Я вижу ее желтые зубы, когда она убирает в карман передника скудные чаевые и тяжело вздыхает. Полтора доллара, причем четвертаками.

Она извиняется и говорит, что ей нужно в туалет.

Обстановка в кафе приближается к нормальной. Правда, сейчас в зале Перл – девушка с переливчатыми волосами. Она смотрит в окно на разноцветные дома и пестрые маркизы. С ней кафе словно преображается. Она что-то ест. Присмотревшись, вижу, что ей принесли яичницу-болтунью с английским маффином, который она намазала маслом и клубничным джемом. Ей подливают кофе. Во вторую чашку она высыпает два пакетика сухих сливок и розовый пакетик сахарозаменителя, который даже не размешивает. Неожиданно ловлю себя на том, что не могу оторвать взгляда от ее рук. Слежу, как она подносит кружку к губам и делает глоток.

И тут в мои мысли врывается тоненький металлический голосок Придди.

– Алекс! – зовет она, я оборачиваюсь и вижу, что она манит меня к себе скрюченным пальцем. Ногти у нее выкрашены в ярко-оранжевый цвет. На стойке перед Придди картонная коробка и пластиковый стакан с газировкой из автомата. В коробке лежат сэндвич с беконом, салатом и помидорами, гора жареной картошки и маринованные огурчики. Все как всегда. Доставки у нас нет, но для Ингрид Добе мы делаем исключение. И сегодня моя очередь нести ей обед. Обычно я с нетерпением жду походов домой к Ингрид – хоть какое-то разнообразие, – но сегодня не такой день. Сегодня я предпочел бы остаться.

– Я? – спрашиваю как идиот, глядя на коробку, и Придди отвечает:

– Да, Алекс. Ты.

Я вздыхаю.

– Отнеси это Ингрид, – обращается ко мне Придди. Никаких «пожалуйста», никаких «спасибо», просто приказ: – Иди!

Я медлю долю секунды, не сводя взгляда с девушки с переливчатыми волосами – Перл. К ее столику подходит Рыжик и в третий раз подливает ей кофе.

Перл сидит у нас уже час, а может, и два. С едой покончено, но она не уходит. Со стола убрали. Прошло добрых полчаса с тех пор, как Рыжик положила на стол чек рядом с кофейной кружкой. Она раза три спрашивала, не хочет ли Перл что-нибудь еще, но та лишь качает головой и отвечает, что ей ничего не нужно. Рыжик все больше досадует; ей не терпится получить очередные скудные чаевые, на которые она начнет жаловаться, как только Перл уйдет. Но пока она никуда не уходит. Сидит за столиком у окна, смотрит на улицу, мелкими глотками тянет свой кофе. Она явно не спешит.

Я обещаю себе поторопиться. Может быть, успею вернуться до того, как она уйдет.

Почему? Сам не знаю. По какой-то причине мне хочется быть здесь, когда она встанет из-за стола. Мне хочется видеть, как она снова натянет на голову черную вязаную шапочку, скрывающую переливчатые, колорированные волосы. Посмотреть, как она обмотает шею шарфом, закинет на плечо холщовую сумку. Наденет пальто в черно-белую клетку. Я хочу видеть, в какую сторону она пойдет.

Обещаю себе поторопиться; я вернусь до того, как она уйдет. Повторяю одно и то же снова и снова. Если я правильно рассчитаю время, может быть, когда я доставлю Ингрид заказ и вернусь, мы с ней столкнемся в дверях. Может быть.

Я придержу ей дверь. И скажу: «До свидания, приятного вам дня».

Спрошу, как ее зовут. «Вы недавно приехали к нам?» – спрошу я.

Может быть. Если я правильно рассчитаю время.

И если не буду трусить, как последнее дерьмо, – что, скорее всего, и произойдет.

Ради быстрой пробежки через дорогу куртку можно не надевать. Хватаю коробку, стакан и, пятясь, выхожу в застекленную заднюю дверь, толкнув ее спиной.

На улице ветер норовит вырвать коробку у меня из рук. В такие минуты я жалею, что у меня нет волос. То есть они есть, но их мало. Хочется, чтобы их было гораздо больше, чем мой ежик, который совсем не согревает ни кожу на голове, ни уши. Конечно, можно было надеть шапку и куртку. Но на мне форма, обязательная для всех служащих кафе: дешевые клетчатые брюки, белая рубашка, застегнутая сверху донизу, и черный галстук-бабочка. Словом, выгляжу я ужасно; предпочитаю не появляться на публике в таком виде. Правда, Придди не оставляет мне другого выхода. Рукава рубашки хлопают на ветру, ветер забирается под полиэстер, и он раздувается, как парашют или воздушный шар. На улице холодно, не выше пяти градусов. И ветер – какой сильный ветер! Следующие четыре месяца все только о нем и будут говорить. На дворе еще только ноябрь, а метеорологи уже предрекают холодную зиму, одну из самых холодных в истории, с двадцатиградусными морозами, сильными ветрами и обильными снегопадами.

Зима в Мичигане, ну кто бы мог подумать?!

Ингрид Добе живет в деревянном коттедже под двускатной крышей – такой стиль называется кейп-код. Ее домик построили в сороковых или пятидесятых годах прошлого века. Дом выкрашен в голубой цвет, а ставни на окнах синие. Крыша довольно высокая. Дом выглядит крепким и симпатичным. Он старомодный, но милый, какой-то идиллический. Летом, конечно, на улице шумно, но в такое время, как сейчас, шума почти нет. У нас тихо.

Если Ингрид стоит у слухового окна в мансарде, она отлично видит сверху все, что происходит в кафе. Я замечаю ее – она стоит у окна, как призрак, не сводя с меня взгляда, пока я пропускаю машину, а потом перебегаю дорогу. Она машет мне рукой из-за стекла. Я машу в ответ и вижу, что она отходит от окна. Я поднимаюсь по ступенькам на широкое белое парадное крыльцо и тут же слышу громкий скрип дверных петель. Потом хлопает сетчатая дверь соседнего синего дома, в котором доктор Джайлс, городской мозгоправ, устроил свою приемную. Он появился у нас меньше года назад. Кошусь в его сторону – он стоит в дверях и прощается с пациенткой, а потом, сунув руки в карманы, озирается по сторонам, как будто ждет еще кого-то. Интересно, обнимает ли он пациентку на прощание до того, как она выходит на крыльцо? Я почти уверен, что да; неловко обнимает одной рукой, на что не решился бы на публике. И вот что странно. Он смотрит на часы. Потом озирается по сторонам. Налево, направо, прямо. Следующий пациент опаздывает, а доктор Джайлс не хочет ждать. Похоже, он обиделся на то, что приходится ждать. Я понимаю это по его косящим глазам, по чересчур прямой спине, по тому, как он скрещивает руки на груди.

Он мне нисколько не нравится.

Вышедшая от него пациентка накидывает на голову капюшон, отороченный мехом капюшон на толстой черной парке. Непонятно, для чего ей нужен капюшон – для тепла или чтобы почувствовать себя уединенно. Не знаю. Лица ее я не вижу – она семенит прочь по другой стороне улицы. Я ее не вижу, но слышу. Думаю, что ее слышит полгорода или, во всяком случае, половина нашего квартала. Она громко, со всхлипами плачет.

Это он заставил ее плакать. Доктор Джайлс заставил эту девушку плакать. Лишний повод не любить его.

Когда доктор Джайлс устроил свою приемную в крохотном синем домике, в городе разгорелся настоящий скандал. Дело в том, что здешние дамы начали рыскать вокруг кафе, прогуливаясь туда-сюда по улице, чтобы увидеть, кто входит к доктору Джайлсу или выходит от него. Всем было интересно, кто из местных жителей посещает мозгоправа и почему. Вот что самое ужасное в маленьком городке: здесь, похоже, не догадываются о праве человека на личную жизнь.

Наш городок – поистине образец маленького городка. У нас всего один светофор; есть городской пьяница, которого все знают. Этот пьяница – мой отец. Все сплетничают. Как будто озабочены только одним: как бы подставить друг друга. И подставляют.

Ингрид открывает, не дожидаясь моего звонка. Она открывает дверь, я вхожу и вытираю ноги о плетеный придверный коврик. Она улыбается. Ингрид примерно столько же лет, сколько было бы моей матери, живи она по-прежнему с нами. Не поймите меня превратно, моя мать вовсе не умерла (о чем я иногда жалею). Просто она не здесь, не с нами. Стрижется Ингрид коротко; такие стрижки я часто вижу у сорока-пятидесятилетних женщин. Волосы цвета мокрого песка. У нее приветливые глаза. Улыбка милая, но грустная. Во всем городке нет ни одного человека, способного сказать о ней что-то плохое. Зато говорят о том плохом, что с ней случилось. Жизнь Ингрид – настоящая трагедия. Ясно одно: ей страшно не повезло. И из-за этого все заботятся о ней. Она боится выходить из дому. Всякий раз, как она пробует переступить порог, на нее накатывает паническая атака, сжимается грудь, ей трудно дышать. Я видел это собственными глазами, хотя и не знаю всех подробностей. Стараюсь не совать нос в чужие дела, но однажды я видел, как Ингрид усадили в машину скорой помощи и увезли в больницу, когда ей показалось, что она умирает. К счастью, ее опасения не подтвердились.

У нее, как говорят, обычный случай агорафобии, как будто для пятидесятилетней женщины обычное дело сидеть в доме и до смерти бояться окружающего мира.

Она вообще никогда не выходит из дому, даже для того, чтобы, например, забрать письма из почтового ящика, полить цветы или выколоть сорняки. В своих гипсокартонных стенах она чувствует себя неплохо, но за пределами этих стен все обстоит наоборот.

При этом Ингрид не сумасшедшая. Она примерно так же нормальна, как и все окружающие.

– Привет, Алекс, – говорит она.

– Здравсте, – отвечаю я.

Ингрид одета как и подобает пятидесятилетней женщине: на ней нечто ярко-оранжевое вроде свитера и черные трикотажные брюки. На шее цепочка с медальоном. В ушах серьги-гвоздики. На ногах туфли без каблука.

Прежде чем Ингрид закрывает за мной входную дверь, я успеваю быстро оглянуться и увидеть Перл, хотя ее лицо почти заслоняется отражением противоположной стороны улицы. Стеклопанельная перегородка осложняет восприятие того, что внутри, и того, что снаружи; ничего удивительного, что птицы иногда врезаются в стекло и разбиваются насмерть.

И все же сквозь шатер деревьев и в отражении половины мира в стеклянной панели я вижу ее.

Перл.

Она смотрит в окно, но не на меня. Проследив за взглядом Перл, вижу вывеску на крыльце соседнего дома: «Доктор Джайлс. Дипломированный психолог».

На крыльце соседнего дома стоит доктор Джайлс собственной персоной. Брюнет с модной стрижкой и холеным лицом нетерпеливо ждет, когда появится следующий пациент.

Вот это да! Она за ним наблюдает.

Неужели она записалась на прием к доктору Джайлсу? Может быть. Наверное, в том и дело. Мысли мои принимают другой оборот, но не настолько, чтобы я перестал думать о ее волосах или глазах, потому что я не перестаю думать о них. Более того, они возникают передо мной всякий раз, стоит мне моргнуть.

Ингрид закрывает дверь и просит меня:

– Запри, пожалуйста!

Дом у Ингрид очень маленький, но ей вполне подходит, потому что она живет одна. Я задвигаю засов и несу ее обед на кухню. Там на рабочем столе стоит открытая картонная коробка, рядом лежит небольшой запас романов. Все, что нужно, чтобы скоротать время. Рядом подставка с ножами; в их числе профессиональный разделочный нож, которым Ингрид обычно разрезает упаковочную ленту.

Работает телевизор, маленький плоскоэкранный телевизор, который Ингрид не смотрит, хотя наверняка слушает; по-моему, благодаря голосам актеров на экране у нее создается впечатление, будто она не одна. Ей кажется, что в доме, кроме нее, есть еще кто-то, хотя все это сплошная фантазия. Она сама себя обманывает. Должно быть, человеку, который никогда не покидает собственного дома, очень одиноко.

Во всем доме тишина. Наверное, когда-то, очень давно, здесь слышался топот ног и детский смех, а сейчас ничего нет. Все звуки ушли.

– Алекс, надеюсь, ты окажешь мне одну услугу, – говорит Ингрид, и я нехотя отрываюсь от созерцания девушки в кафе.

Кухня у нее вся белая: белые стены, белые шкафчики. Зато грязный дощатый пол очень темный, почти черный. Он составляет резкий контраст с окружением. Обстановка аскетическая: все выдержано в нейтральных серых тонах, безделушек или аксессуаров почти нет, в отличие от моего дома. Мой отец – тот еще барахольщик. Он ничего не выбрасывает. Нет, он не копит мусор годами, не наваливает его кучами посреди гостиной, бродячие кошки не

рожают у нас во всех углах, и по дому не носятся дикие котята – в общем, он не похож на тех патологических нерях, каких показывают по телевизору. Просто отец sentimentalен; никак не может расстаться с моими дневниками из средней школы и молочными зубами. Наверное, это должно мне нравиться. Может быть, мне и нравится... в глубине души.

Но, помимо всего прочего, такая sentimentalность говорит о том, что у отца в целом свете нет никого, кроме меня. Если я уеду, что с ним будет?

– Я составила список покупок, – говорит Ингрид, и, не дожидаясь, пока она спросит: «Ты не сходишь?», я отвечаю:

– Конечно. Завтра, хорошо?

Конечно, хорошо, кивает она.

Из кухонного окна мне прекрасно видно крыльцо доктора Джайлса. Домик Ингрид стоит чуть выше; окно кухни – просто идеальный наблюдательный пункт, чтобы смотреть на дом напротив. Вид не потрясающий, и тем не менее все же какой-то вид. Пока Ингрид роется в сумочке в поисках двух двадцатидолларовых купюр и вручает их мне, я кое-что замечаю, нечто темное и смутное – просто тени за стеклом. В домике напротив кто-то есть. Я вглядываюсь, но недостаточно долго. Так нельзя. Не хочу, чтобы Ингрид считала меня любителем совать нос в чужие дела. Я кладу деньги в карман и обещаю сходить для нее в магазин. Завтра утром куплю ей продукты. Как ходил уже много раз. Беру список покупок и прощаюсь.

Выйдя из дома, я спускаюсь с широкого крыльца на тротуар.

И тут вижу: в окне кафе уже никого нет.

Та девушка ушла.

Куин

Я часто думала о том, что Эстер прозрачная, как оконное стекло. Что видишь, то и есть. Но сейчас, сидя на корточках на полу в ее крошечной комнате – ноги онемели – и держа в руках письмо, которое начинается словами «Любовь моя», думаю: выходит, я ошибалась. Ох, как я ошибалась!

Выходит, Эстер все-таки не прозрачная. Теперь она кажется мне не оконным стеклом, а игрушечным калейдоскопом, где сложные мозаичные узоры меняются всякий раз, стоит чуть повернуть трубку.

Мы с Эстер познакомились, когда я прочла объявление в «Ридере».

– Ты что, шутишь? – спросила моя сестра Мэдисон, когда я показала ей объявление: «Девушка ищет соседку для совместного проживания в 2-к. квартире. Отличное место, рядом с автобусной остановкой и ж/д вокзалом». – Ты ведь видела кино «Одинокая белая женщина»? – продолжала Мэдисон, сидя на краю своей узкой кровати. Перед ней валялись карточки с текстами и картинками по естествознанию; они напомнили мне кроликов на покрывале.

Я взяла карточку.

– Ты ведь понимаешь, что эта дрянь тебе никогда в жизни не понадобится? – спросила я, прочитав неправильное определение на обороте. – Во всяком случае, в реальном мире.

Мэдисон наградила меня своим фирменным взглядом и ответила:

– Завтра у меня контрольная.

А то я не знала!

– Ты серьезно, Шерлок? – Я бросила карточку назад в кучу. – А после школы? Эта дрянь тебе никогда не пригодится.

Конечно, уж мне-то не стоило давать кому-нибудь советы, тем более по поводу образования. К тому времени я пять месяцев как окончила колледж, довольно второразрядный – он не входит в рейтинг лучших колледжей Соединенных Штатов. Зато плата за обучение там невысокая – куда ниже, чем в других местах. Кроме того, меня туда приняли, чего нельзя сказать о других высших учебных заведениях, куда я рассылала заявки. Все дело в одной мелочи под названием «необучаемость». Это нечто среднее между СДВГ и дислексией. Меня не воспринимали всерьез, свидетельством чему были многочисленные письма с отказами, которые я получала из одного колледжа за другим. Поперек моего заявления стояли большие красные штампы со словом «Отклонено».

Такой опыт, наверное, хорошо сказывается на самооценке... Или наоборот.

Первые два из восьми семестров я провела на испытательном сроке. Но после того как декан пригрозил исключить меня, я взяла себя в руки и раскрыла учебник. Кроме того, я не забывала время от времени принимать риталин и нехотя призналась в своем диагнозе. До сих пор считаю настоящим чудом то, что мне удалось окончить колледж со средним баллом 3,0. Разумеется, мои советы по поводу образования никому не нужны, и меньше всего Мэдисон, моей младшей сестре, которая, судя по всему, окончит школу лучшей ученицей. В общем, вскоре я заткнулась. Во всяком случае, на эту тему.

Кстати, фильм «Одинокая белая женщина» я посмотрела. Конечно, посмотрела. Но отчаянные времена требуют отчаянных мер, а я была в отчаянии. Мне было двадцать два года, я пять месяцев назад окончила колледж, и мне отчаянно нужно было сбежать из дома в пригороде, где я жила с родителями, гениальной младшей сестрой и ее вонючей морской свинкой. Мэдисон оканчивает школу. Она настоящий гений – ее ждет карьера врача. А может быть, бальзамировщика, потому что ее отличает нездоровое пристрастие ко всему неживому. В свое время она купила на свои карманные деньги чучело белки; то же самое она хочет сделать с

морской свинкой, когда та наконец отбросит копыта. Набьет из несчастного зверька чучело, чтобы его можно было поставить на полку.

Мэдисон была всем довольна в родительском доме и совершенно не понимала моего желания сбежать оттуда. Мне же было невообразимо скучно; более того, меня ужасно раздражало, что мама в своем минивэне всегда встречала меня после работы на пригородной станции Баррингтон-Метра. Сидя за рулем, мама допытывалась, как прошел у меня день.

«Ты сегодня с кем-нибудь подружилась?» – спросила она меня в первый день новой работы референтом в солидной юридической фирме в центре Чикаго, как будто я провела первый день в детском саду, а не на работе.

Я устроилась на работу, слегка покривив душой; сказала, что потом планирую поступать на юридический, хотя право меня совсем не интересует.

«Ты научилась чему-нибудь новому?» – спросила мама чуть позже по дороге домой.

«Нет, мама. Ничему».

Конечно, кое-что я все-таки поняла. Я поняла, что моя работа – полный отстой. А когда мы с мамой приехали домой, я вынуждена была слушать, как родители наперебой расхваливают Мэдисон. Они прямо соловьями разливались. Ах, какая Мэдисон умная, как она блистательно сдала очередной экзамен! Ее заранее приняли в какой-то пижонский колледж, ну а мне пришлось выбирать колледж по принципу дешевизны и еще потому, что меня брали. Пришлось поступить туда после многочисленных отказов, которые я получила из-за того, что плохо сдала тест на проверку академических способностей.

Я должна была вырваться из родительского дома. Там я задыхалась, на меня все давило.

И тогда произошло вот что. По пути домой я открыла раздел объявлений в «Ридере» и увидела объявление Эстер. Оно стало для меня маяком в темном ночном небе.

Я и раньше пробовала искать себе жилье, но на работе мне, как новичку, платили чуть больше минимальной зарплаты, и, хотя я пыталась экономить на всем – искала студии, комнаты, квартирки на дешевой южной стороне, мне попросту было не по карману жить в Чикаго самостоятельно. О квартирах за пределами Чикаго не могло быть и речи, потому что тогда мне, кроме жилья, понадобилась бы еще и машина, какое-нибудь средство передвижения, чтобы добираться до вокзала и обратно не с маминой помощью.

«Девушка ищет соседку для совместного проживания в 2-к. квартире.

Отличное место, рядом с автобусной остановкой и ж/д вокзалом».

Отлично! Я тут же перезвонила, и мы договорились встретиться.

В тот день, когда мы с Эстер должны были познакомиться, я мысленно готовилась к встрече с кем-то вроде Дженнифер Джейсон Ли. По правде говоря, Мэдисон здорово меня завела с этим фильмом «Одинокая белая женщина». Хуже того, я посмотрела фильм прямо перед нашей встречей; Дженнифер Джейсон Ли в роли Хэди оказалась опасной психопаткой. Успокаивало меня только то, что у нас ситуация обратная. Поскольку в квартиру к Эстер въезжала я, мне и предстояло находиться в положении героини Дженнифер Джейсон Ли, а сама Эстер олицетворяла очаровательную Бриджит Фонду. И она в самом деле оказалась очаровательной.

В тот день Эстер опоздала; ее задержали из-за сотрудницы, которая взяла больничный. Она позвонила, когда я ехала смотреть квартиру, и мы договорились встретиться в книжном магазине на Кларк-стрит, где, как я вскоре узнала, она и работала. Эстер сообщила, что устроилась на полставки на время учебы в магистратуре. Она хочет стать специалистом по трудотерапии. Кроме того, она поет – время от времени выступает в одном из местных баров.

– Чтобы легче было платить по счетам, – объяснила она, хотя со временем я поняла, что дело не только в этом. Эстер втайне мечтала стать следующей Джони Митчелл.

– Что такое специалист по трудотерапии? – спросила я, пока она вела меня мимо многочисленных книжных полок в тихую подсобку.

Мы устроились на ярко-оранжевых пуфах, на которых обычно сидят дети в «Час чтения». Эстер извинилась за то, что затащила меня в книжный, отказавшись от первоначальной договоренности. Была суббота; в магазине было полно завсегдатаев, которые рылись на полках и выбирали себе книги.

Все они показались мне умниками, все до одного, и Эстер тоже, хотя и в спокойном, современном смысле. Несмотря на оленьи глаза и вежливость, в Эстер заметны были признаки внутреннего бесенка – они проявлялись и в серебряном пирсинге в носу, и в колорированных волосах. Эстер сразу мне понравилась. Понравилось и то, как она была одета – в уютном кардигане и брюках карго. Я решила, что она крутая.

– Мы учим людей заботиться о себе. Помогаем инвалидам, людям с задержкой развития, травмами. Пожилым. Это как реабилитация, самопомощь и психиатрия, вместе взятые.

Мне понравились ее зубы, идеально ровные и ослепительно-белые. Глаза у нее оказались разного цвета – один карий, другой голубой. Такого я раньше никогда не видела. В тот день она была в очках, хотя позже я узнала, что она носит их только для виду, считая подходящим реквизитом для роли продавщицы в книжном магазине. Она уверяла, что в очках выглядит умнее. А по-моему, Эстер не нужны фальшивые очки, чтобы выглядеть умной; она и без того умная. В тот день, когда мы познакомились, она спросила, где я работаю и по карману ли мне половина квартирной платы. Она предъявила мне единственное требование: чтобы я платила свою часть.

– Я смогу, – обещала я, подтвердив свои слова последним чеком с работы. Пятьсот пятьдесят долларов в месяц – такая сумма была мне по карману. Пятьсот пятьдесят долларов в месяц за комнату в квартире с отдельным входом на северной окраине Чикаго! Позже мы пошли туда; квартира находилась всего через улицу от книжного магазина. Эстер повела меня туда после «Часа чтения». Она читала вслух малышам, которые сидели на оранжевых пуфах. Эстер отлично читала – то за медведя, то за корову, то за утку; ее голос умиротворял и звучал приятно. Кроме того, она успевала приглядывать за своими подопечными, следя, чтобы все вели себя хорошо и слушали внимательно. Она так переворачивала страницы огромной книги, что завидно делалось. Даже я невольно заслушалась ее. Она буквально завораживала.

Потом мы отправились смотреть квартиру. Эстер показала мне мою будущую комнату – если, конечно, я пожелаю в ней поселиться.

Она так и не сказала, что случилось с ее прежней соседкой, хотя в следующие недели я находила следы ее пребывания. Так, в узком стенном шкафу я увидела ее имя, нацарапанное на стене карандашом, и нашла на полу обрывок старой фотографии; на нем я различила лишь прядь разноцветных волос, принадлежащих Эстер.

Обрывок фото я отдала Эстер сразу после того, как въехала, а имя на стенке стенного шкафа замазывать не стала. Я поняла, что на фото волосы Эстер, потому что таких волос, как у нее, я ни у кого больше не видела. Они так же уникальны, как гетерохромные глаза. От корней к кончикам ее волосы постепенно светлеют – она сказала, что это называется омбре. Темно-русые на макушке, на кончиках они почти платиновые. Фото было разорвано пополам; человек, изображенный на другой половине, исчез бесследно.

Я не выкинула фото, а отдала его Эстер, когда привезла свои вещи и обустраивалась на новом месте – почти год назад. Сказала: «Кажется, это твое». Она выхватила обрывок у меня из рук и выкинула его; в то время ее поступок не вызвал у меня вопросов.

Но теперь я вспоминаю ее поведение и понимаю: это что-то значило. Только вот что?

Алекс

Несколько часов я жду, что та девушка вернется; то и дело смотрю на приемную доктора Джайлса, пытаюсь различить, что творится за шторами. Но девушка не показывается. Я подумываю тайком проскользнуть в проулок между домами Ингрид и доктора Джайлса, встать на цыпочки – и, может быть, мне удастся заглянуть внутрь. Или, может быть, еще раз сходить к Ингрид? Сделаю вид, будто я что-то у нее забыл или мне что-то нужно. Может быть, мне удастся разглядеть Перл в окно кухни. Я представляю, что Перл там, в домике доктора Джайлса, и занимается тем, чем обычно занимаются люди в кабинете мозгоправа: сидит на кушетке и изливает душу человеку, который получает кайф от чужих проблем. Но идет время – полчаса, час, два часа... и я говорю себе, что она что-то долго там сидит, рассказывая о себе все доктору Джайлсу. Прием у психиатра не может продолжаться два часа. Или может? Понятия не имею.

Проходит еще сколько-то времени, и я сдаюсь. Внушаю себе: ее там нет. Но я, конечно, ни в чем не уверен. Могу только гадать.

Под вечер я иду домой. Возвращаюсь той же дорогой, которой шел утром, по улицам городка, мимо магазинчиков, которые закрываются на ночь. Владельцы переворачивают таблички с «Открыто» на «Закрыто», запирают двери. Я устал; у меня гудят ноги и кружится голова. Перед глазами все время мелькает лицо той девушки: вот она здесь, и вот ее уже нет.

Улицы вымощены брусчаткой, вернее, прямоугольными гранитными блоками, похожими на булыжники. Два ресторана еще открыты, но бутики – один с дорожными вещами для младенцев в витрине, и второй, где торгуют всякими мелочами, сувенирами и чересчур дорогими открытками, – скоро закроются. Улицы пустеют, низкое серое небо предвещает дождь. На обочине большой черный ворон доедает скелет кролика, сбитого машиной. В такое время года наваливается чувство безысходности. По телефонному столбу скачет белка, надеясь, что ворон ее не заметит. Впереди меня идут мальчишки в одних шортах и футболках; они не спешат, как будто холод им нипочем. На пустой улице их смех кажется особенно звонким. Один из них затягивается сигаретой, хотя на вид ему не больше двенадцати-тринадцати лет.

Я натягиваю на голову капюшон, глубже засовываю руки в карманы и ускоряю шаг. Прохожу мимо карусели и оказываюсь на берегу озера. Мне одиноко и грустно.

Я думаю о моих друзьях, Нике, Адаме и Перси. Они уехали в колледжи и наслаждаются жизнью. А еще я думаю о девушке, с которой даже незнаком и которую, скорее всего, больше никогда не увижу. Вероятно, у нее не в порядке с головой.

Волны набегают на берег, совершенно так же, как утром. Только сейчас видно дальше. Вдали образуются белые барашки; волны выбрасывают их на песок, как полки конных рыцарей. Кавалерия в атаке. Песок тускло-бурого цвета. У озера есть свой запах; его нельзя назвать неприятным. От него пахнет болотом, сыростью и холодом.

Песок липнет к подошвам моих черных спортивных туфель. Я обхожу заросли осоки; густые кустики пробиваются сквозь песок. Трава сейчас не зеленая, а бурая и жесткая. Скоро она совсем пропадет от холода, ветра и снега. По привычке обшариваю взглядом берег в поисках морских лилий – крошечных дисков, которые попадают в гравий и на песке. Для меня поиск морских лилий – одержимость, навязчивая идея, слабость, дурная привычка. Морские лилии, или четки святого Кутберта. Для меня они все одинаково ценны – окаменелые доисторические существа, которые когда-то населяли озеро Мичиган. Я собираю морские лилии в песке и люблюсь ими, чуть поворачивая ладонь. По-моему, они красивее, чем глинистый сланец или базальт; гораздо выразительнее, чем гранит или шлак, хотя на самом деле смотреть-то особенно не на что. Кое-кто делает из них бусы и браслеты, ну а я просто храню в пластиковом

пакете на застежке. Пока я складываю находки в брючный карман и крепко сжимаю, чтобы не выпали.

На пирсе парочка – мужчина и женщина; они отошли не слишком далеко от берега, чтобы их не снесло в воду, и все же достаточно далеко, чтобы насладиться свежим воздухом. Они держатся за руки – не дают друг другу упасть на сильном ветру. Парочка любит штормовое озеро и апокалипсическим небом. Потом они разворачиваются и бредут к машине, оставленной на парковке. Мне уходить некуда. Я стою на месте и размышляю о том о сем. И только после того, как их черная машина покидает парковку и устремляется прочь из городка, я вижу ее. Она сидит совершенно одна на детской площадке, на качелях, и возит ногами по песку. Руками она вцепилась в цепи, но отталкивается не сильно – качели вместо нее раскачивает ветер. Она качается размеренно, если вообще качается; просто отклоняется туда-сюда, рассеянно и лениво, а сама думает о чем-то своем.

Перл.

Она в пальто; и шапочка тоже на ней. Руки без перчаток; мне кажется, что они замерзли. Шея обмотана шарфом, хотя ветер поднимает его концы и дергает то туда, то сюда. Начался дождь – пока он лишь слегка моросит. Похоже, Перл ничего не замечает, как будто водонепроницаемая. А может, она любит дождь. Вода попадает мне в глаза; я весь пропитываюсь ею. Терпеть не могу дождь. Мне лучше поспешить домой; более того, я должен спешить домой. Поскорее убежать отсюда.

Но я никуда не бегу. Наоборот, я иду под крышу, на летнюю площадку для пикников, где стоят деревянные столы. Самое главное, там есть навес. Сажусь на деревянную столешницу в полусотне шагов от того места, где сидит Перл. Она меня не видит.

Зато я вижу ее.

Куин

Я дочитываю письмо до конца, и в голове у меня возникает одна простая, но назойливая мысль: кто это «Любовь моя»? Надо спросить об этом Эстер, очень надо. Последняя строчка словно кричит, снова и снова повторяя: «...вы меня тогда видели? Вы нарочно хотели меня разозлить?»

Мне хочется спросить у Эстер: «Кто это – „вы“?»

Я выхожу в гостиную проверить, не вернулась ли она – может, вошла тихонько, пока я была в ее комнате. Я почти ожидаю увидеть ее на розовом диване – она в моих мыслях сидит по-турецки, как обычно, когда читает малышам в книжном магазине. Я представляю, как спрашиваю Эстер, протягивая ей письмо: «Кто это – „Любовь моя“?» В моих мыслях она сокрушенно смотрит на меня, когда я допытываюсь: «Кто он?»

В голове всплывают строчки из письма: «А может быть, все придумала она и нарочно оставила свет включенным, чтобы я все видела. В конце концов, она ведь победила!»

В мыслях я трясущейся Эстер за плечи и снова и снова спрашиваю: «Кто она такая? Кто она такая, Эстер?» – и вот на лице Эстер появляется раскаяние, и она начинает плакать.

Но нет. Я не могу так поступить с Эстер. Не вынесу, если она заплачет.

И все же я хочу знать: кто такая «она»?

Конечно, ничего не выходит, потому что, когда я выбегаю из комнаты Эстер, не застаю ее в гостиной. Ее там нет. Конечно, ее нет. Я одна в пустой квартире. Телевизор выключен, поэтому в квартире тихо, если не считать шипения в радиаторе. Все в гостиной напоминает об Эстер, особенно разрозненные предметы мебели, которые она приобрела до того, как с ней поселилась я: розовый диван, унылый металлический кофейный столик, ультрасовременное кресло в черную и белую клетку, диванные подушки болотного, желтого и синего цвета. И конечно, ворсистый коврик, который мы вместе притащили домой с какой-то дворовой распродажи в Саммердейле – мой единственный вклад в обстановку квартиры, если, конечно, не считать меня самой. Мы с этим ковром прошагали пешком не меньше трех кварталов, Эстер впереди, я сзади. Почему-то всю дорогу мы хохотали. Нам было смешно из-за того, какой он тяжеленный, из-за того, что он желтовато-зеленоватого цвета. Я думаю о стенах квартиры, ослепительно-белых, которые миссис Бадни строго-настрого запретила нам красить.

Миссис Бадни, восьмидесятидевятiletняя старая полька, которая живет в квартире под нами, – владелица нашей квартиры. В некрашенные стены вкручены многочисленные крючки для одежды, подсвечники и доска, на которой пишут мелом, – мы с Эстер оставляем на ней друг другу важные сообщения и короткие послания:

«Купи молока».

«Это ты съела мой сыр?»

«Если жизнь дает тебе лимоны, делай из них лимонад».

«Убежала. Скоро буду».

В очередной раз понимаю, как здесь одиноко. Как одиноко в квартире, если Эстер нет дома.

Я хватаю телефон, собираюсь позвонить Бену, моему коллеге и другу. Бен – почти единственный человек, с которым я общаюсь на работе. С другими тоже приходится общаться, но только потому, что мне за это платят. С юристами, которые манят меня пальцами и приказывают отнести куда-нибудь документы или сделать копии, я разговариваю только по необходимости. Так надо. Это входит в мои служебные обязанности.

Но с Беном я разговариваю, потому что хочу. Кроме того, он мне нравится.

Потому что он милый.

А еще он очень хорош собой, ему двадцать три года, и он трудится референтом, как и я, хотя, в отличие от меня, позже в самом деле собирается поступать на юридический.

К сожалению, у Бена есть подружка. Они вместе учились в колледже, и она, как и он, готовится к поступлению на юридический факультет. Как только она получит диплом помощника юриста в Иллинойском университете в Чикаго, они вместе поступят на юридический факультет в Вашингтоне. Как романтично! Его подружку зовут Прия... Даже имя у нее необычное и красивое.

Никогда не видела Прию во плоти, зато видела множество фотографий, которые Бен хранит в своем крохотном отсеке на работе. На снимках Прия одна, вместе с Беном, с Беном и их общей собакой – подумать только! – одноглазым чихуахуа по имени Шанс (и если уж одноглазый пес не свидетельствует о том, какое у Бена доброе сердце, не знаю, какие еще нужны аргументы).

Отыскиваю номер Бена в списке исходящих вызовов, жму кнопку. Через пять гудков меня переключают на автоответчик. Бен записал простое, безыскусное и совершенно очаровательное сообщение. Его голос произносит: «Это Бен. Оставьте сообщение». Я готова снова и снова слушать эти слова хоть всю ночь. Но не слушаю. Как положено, после гудка оставляю ему довольно туманное послание.

– Привет, – говорю я, – это Куин. Мне нужно с тобой поговорить. Перезвони, хорошо?

Об исчезновении Эстер я не упоминаю. Глупо доверять такие сведения автоответчику; глупо и пошло. Важные вещи не предназначены для голосовой почты. Поверьте, я знаю, о чем говорю. В прошлом меня не раз вот так бросали – по телефону.

Я собираюсь ввести Бена в курс дела после того, как он мне перезвонит. Конечно, я догадываюсь, что Бен сейчас с Прией. Интересно, когда же он все-таки перезвонит? Вполне возможно, к тому моменту мои сведения уже устареют. Эстер наверняка скоро придет... правда, чем дальше, тем меньше я в этом уверена.

Я сижу на диване в полном одиночестве и слежу за тем, как квартира постепенно погружается во мрак. Ночь. Единственный источник света – уличный фонарь за окном нашей квартиры. На нашей улице совсем немного фонарей, и расставлены они нечасто. Наш маленький спальный квартал расположен слишком далеко от центра Чикаго, поэтому его освещают совсем не так ярко, как небоскреб Уиллис-Тауэр или шикарный отель Дональда Трампа. В темноте мне делается совсем не по себе. Где же Эстер?! Не поймите меня превратно, Эстер и раньше куда-то пропадала, но никогда еще, ни разу она не покидала меня на целый день, не сказав, куда идет и когда вернется. Никогда раньше она не вылезала в окно по пожарной лестнице и не исчезала среди ночи. Я смотрю на настенные часы, и до меня доходит: прошло целых двенадцать часов с тех пор, как я проснулась от верещания ее будильника. А ее все нет.

Я начинаю беспокоиться. Что, если с Эстер что-то случилось... что-то плохое?

Кому бы еще позвонить? Нет, не Бену, конечно, а в полицию. Может, надо позвонить в полицию?

Мысли в голове набегают друг на друга. «Позвони...» – «Не звони». Как будто я гадаю на ромашке. «Любит – не любит»... И все же я решаю позвонить. Набираю 311, альтернативный номер, по которому можно сообщать о важных ситуациях, не требующих срочного вмешательства экстренных служб. Пока что, по-моему, срочного вмешательства пожарных, скорой и полиции не требуется. Мне очень хочется верить, что дело не срочное. Отвечает женщина-диспетчер; живо представляю, как она сидит за столом в наушниках и поправляет прическу.

По просьбе диспетчера излагаю суть дела.

– У меня соседка пропала, – говорю я и сообщаю необычные подробности: открытое среди ночи окно, оторванная москитная сетка, пожарная лестница.

Диспетчер слушает, не перебивая, но потом не слишком дружелюбно интересуется:

– Вы уже обзвонили ближайшие больницы?

– Нет, – отвечаю я, внезапно чувствуя себя полной дурой. – Мне не пришло это в голову... Ну да, я не могла даже помыслить о том, что Эстер могла пострадать.

– Обычно все начинают поиски именно с больниц. – Судя по ее тону, я напрасно первым делом набрала номер ее службы. – Вы звонили родственникам соседки? Другим? – продолжает она, и я молча качаю головой.

Никому я не звонила. Точнее, я звонила Бену, то есть все-таки сделала один шаг в нужном направлении. А родственникам Эстер я, разумеется, не позвонила – если уж на то пошло, я не знаю их номер и понятия не имею, как его найти. Я даже не знаю, как зовут ее родителей; для меня они просто мистер и миссис Вон – если, конечно, у них такая же фамилия, как у Эстер. Скорее всего, на свете не один десяток тысяч людей по фамилии Вон. Кроме того, я давно поняла, что Эстер не стремится поддерживать отношения со своими родителями. И рассказывать о них не любит. Насколько я понимаю, отца у нее нет – он умер или ушел. А с матерью они давно стали друг другу чужими. Откуда мне известны такие подробности? Моя мать постоянно шлет мне по почте посылки со всякими мелочами, а иногда является ко мне в гости без предупреждения. А мать Эстер не заходила ни разу, даже для того, чтобы познакомиться со мной или под предлогом, что «она просто проходила мимо». Когда я спросила у Эстер о ее семье, она ответила, что не желает обсуждать эту тему. Больше я никаких вопросов не задавала. Однажды ей по почте пришло письмо; Эстер четыре дня не забирала конверт с кухонного стола, а потом, не вскрывая, выкинула в мусор.

– У вас есть основания подозревать, что она пропала при подозрительных обстоятельствах? – спрашивает диспетчер, и я отвечаю:

– Нет.

– Может, ваша соседка чем-то больна и у пропавшей угрожающее жизни состояние? – спрашивает она, и я снова отвечаю:

– Нет.

Голос у диспетчера отстраненный, недружелюбный, как будто ей все равно. Возможно, так и есть, но хочется верить, что диспетчер службы экстренной или неотложной помощи сохраняет хотя бы каплю сочувствия. У меня язык чешется что-нибудь соврать, например, что у Эстер диабет, а инсулин остался дома или что у нее астма, а ингалятор она с собой не взяла. Тогда, возможно, тетка-диспетчер и озаботится. Может быть, надо было сказать ей, что оконную сетку разрезали? Или разбили стекло. Что на полу лужа крови – ее так много, что Эстер, похоже, совсем обессилела... После таких слов меня, скорее всего, переключат на службу спасения, так как подобные обстоятельства явно тянут на экстренный случай. А может быть, диспетчер намекает, что с Эстер все в порядке? Мою догадку подтверждают ее следующие слова:

– Почти семьдесят процентов пропавших уходят по собственной воле и в течение двух-трех суток возвращаются, также добровольно. Конечно, если хотите, приходите в полицейское управление и пишите заявление о пропаже без вести. Правда, полиция обычно не слишком торопится, если речь идет о взрослых, совершеннолетних людях. Если нет подозрительных обстоятельств, скорее всего, следствие не открывают. Любой может исчезнуть, если возникает такое желание, законом это не запрещено. Если вы заявите о пропаже, вашу соседку поместят в базу данных пропавших без вести и по делу начнут следствие... – Помолчав, она спрашивает: – Ваша соседка пьет, принимает наркотики? – Я быстро качаю головой и два раза отвечаю: «Нет». Конечно, время от времени Эстер выпивает бокал «Маргариты» или «Дайкири», но она не алкоголичка, ничего подобного.

Потом диспетчер спрашивает о психическом состоянии Эстер – нет ли у нее депрессии? Я живо представляю себе добрую улыбку Эстер и думаю: нет, не может быть. У нее такое невозможно.

– Нет, – тут же отвечаю я. – Конечно нет.

– Вы с ней не ссорились? – спрашивает диспетчер, и я понимаю: она намекает на то, что я сама каким-то образом причинила вред Эстер. Ссорились ли мы с Эстер? Конечно нет. Но вот вопрос: как Эстер вчера отнеслась к тому, что я пошла в бар без нее? Она ведь сама просила меня идти... Повторяю, она сама просила, чтобы я ушла. Вот что она сказала: «Куин, я только испорчу тебе настроение... Иди без меня, тебе будет веселее». Вот ее точные слова. С чего же ей на меня злиться?

– Нет, мы не ссорились, – говорю я, и диспетчер предлагает мне два варианта: либо пойти в полицейское управление и заявить о том, что Эстер пропала без вести, либо подождать.

Мне становится не по себе; я понимаю, что звонила напрасно. Конечно, я подожду! Меньше всего мне сейчас хочется объясняться со следователем и чувствовать себя полной дурой в присутствии других. Такого опыта у меня и без того хватает.

Пожалуй, для начала обзвоню больницы и попробую отыскать родителей Эстер. Потом, наверное, перезвонит Бен. Если повезет, Эстер сама вернется домой. Диспетчер говорила – от двух до трех суток? От сорока восьми до семидесяти двух часов... Мысленно представляю себе, как два или три дня жду возвращения Эстер. Выдержу ли?

Я нажимаю отбой и жду, когда же перезвонит Бен. «Прошу тебя, Бен, – думаю я. – Пожалуйста, перезвони». Но Бен не перезванивает. Открываю поисковик, ищу сайты ближайших больниц. Начинаю с ближайшей больницы методистов. Звоню в справочную: не привозили ли к ним Эстер? Я называю ее имя и фамилию, а также приметы – колорированные волосы, разные глаза, добрая улыбка... У Эстер такое лицо, что, если его увидишь один раз, то уже не забудешь. Но ни в больнице методистов, ни в больнице Вейсса, ни в других лечебных учреждениях ее нет. Слушая очередной бесстрастный ответ, я все больше теряю надежду.

«Никакой Эстер Вон у нас нет».

Я чувствую себя одинокой и потерянной, как вдруг слышу рингтон. Звонит не мой мобильник, а мобильник Эстер. Она поставила себе какой-то хит из «Биллборда» восьмидесятых годов прошлого века; теперь такое уже никто не слушает. Рингтон Эстер. Телефон Эстер... Эстер нет, так почему ее телефон дома?! Я вскакиваю и бегу его искать.

Алекс

Интересно, понимает ли она, что за ней следят?

Она сжимает и разжимает кулаки, чешет голову. Все время меняет позы – закидывает одну ногу на другую, ставит обе ноги на землю, снова скрещивает их... Наверное, не очень удобно так долго сидеть на качелях. Потом она отталкивается ногами от земли. Смотрит налево, направо, задирает голову и открывает рот, чтобы поймать капли дождя, которые падают с неба.

Сам не знаю, сколько времени я вот так глазею на нее. Достаточно долго, наверное, потому что пальцы немеют от холода и сырости.

Проходит какое-то время, и девушка встает с качелей и направляется к воде. Угги каштанового цвета вязнут в сыром песке. Идти по песку трудно, да еще сильный боковой ветер. Он толкает ее то туда, то сюда; она раскинула руки в стороны, как будто идет по канату. Ставит одну ногу перед другой, осторожно продвигается вперед.

Она останавливается в трех шагах от линии прибоя. А я не свожу с нее взгляда.

Дальше начинается самое странное. Сначала она снимает сапоги, стараясь не потерять равновесие. Стаскивает сначала один, потом второй и ставит их рядом на песок. Когда она снимает носки, я думаю: «Она что, спятила?» Подумать только – хочет помочить ноги в озере Мичиган! В ноябре! Вода сейчас почти ледяная, не выше одного градуса. Она не боится переохлаждения?

Носки она засовывает в сапоги, чтобы их не унесло ветром. Я по-прежнему сижу на своем наблюдательном пункте и жду, когда девушка просеменит к озеру и намочит ноги, но она никуда не идет. Проходит миг – а может, много мгновений, не знаю, я совершенно потерял счет времени, – и она начинает расстегивать куртку. Куртка летит на песок рядом с сапогами и носками. Когда она начинает стаскивать с себя джинсы, я думаю: «Не может быть. Этого просто не может быть». Озираюсь по сторонам – нет ли еще кого-то на берегу. Может, кто-нибудь подтвердит, что все происходит на самом деле, что у меня не просто разыгралась фантазия? Неужели все взаправду? Не может быть. Не может быть, чтобы это было на самом деле.

Сам не замечаю, что встал и иду в ее сторону. Прячусь за деревянными колоннами, которые держат навес над площадкой для пикников. Я обнимаю колонну руками и прищуриваюсь. Наблюдаю за тем, как Перл расстегивает молнию на джинсах, потом стаскивает их с себя, усевшись на мокрый песок. Джинсы она кладет рядом с курткой и сапогами. Дождь усилился; он косой из-за ветра. Заливает даже на площадку для пикников; я насквозь промок. Потом она встает и берется за свою синюю толстовку. Больше на ней ничего нет. Только толстовка и трусики. И шапка с шарфом.

А потом она снимает и толстовку.

И идет в воду. В одном нижнем белье, шарфе и шапке. Она входит в воду, как будто не чувствует холода, словно императорский пингвин. Она явно собирается намочить не только ноги. Слежу за тем, как вода доходит ей до лодыжек. Потом до коленей. Она не останавливается. По-моему, она могла бы дойти до самого Чикаго, водя руками по поверхности воды. Набегающие волны накрывают ее с головой.

Вскоре я понимаю, что вышел из-под крыши и стою на песке. Как я туда попал? Не знаю. Здравый смысл подсказывает, что нужно позвать кого-то на помощь. Но кого – полицейских? Или, может быть, доктора Джайлса?! Сколько времени нужно для того, чтобы началось переохлаждение? Пятнадцать минут? Полчаса? Не знаю. Конечно, я никого не могу позвать, потому что я совершенно оцепенел и лишился дара речи, а ноги будто примерзли к песку. Я даже не в состоянии достать из кармана телефон. Потому что не могу отвести взгляда от Перл. Она уже плывет. Плывет кролем, плывет так давно, что уже пора звать на помощь. Я смотрю, как она

неспешно двигает руками – то одна наверху, то другая. Ноги ритмично двигаются в воде без брызг. Она плывет и плывет, ни разу не повернув голову. Мне кажется, что она даже не дышит, как будто рыба с жабрами вместо легких и плавниками.

Если бы мне было чем заняться, наверное, я бы не стоял на берегу и не смотрел, как она плывет. Но делать мне нечего. Поэтому я стою и смотрю, как она плывет.

Потом – я по-прежнему стою на том же месте – она разворачивается к берегу. В то время как любой нормальный человек, дрожа, выбежал бы из воды и постарался поскорее обсушиться и согреться, она этого не делает. Она шагает медленно, неторопливо. Как будто рассчитывает каждый шаг. Она, конечно, вся мокрая. Белье стало абсолютно прозрачным. Ноги облеплены мокрым песком, который у меня на глазах темнеет.

Мне бы отвести глаза. Я понимаю, что должен отвести глаза. Но не могу.

Нельзя меня за это винить. Какой восемнадцатилетний парень на моем месте отвернется, отказываясь посмотреть? Уж точно не я. Уверен, что ни один из моих знакомых тоже не отвернулся бы.

И потом, мне кажется: она сама хочет, чтобы ее видели.

И вот она стоит на мокром песке, и вода словно замерзает у нее на коже на осеннем холоде. Она не пытается ни вытереться, ни одеться. Теперь она стоит спиной к озеру и смотрит на детскую площадку, на карусель, на жухлую траву, на голые деревья. И на меня.

Неожиданно она поворачивается ко мне и машет рукой.

И я доказываю всему миру, что я – последний трус, потому что ухожу, притворяясь, что не заметил ее.

Куин

Телефон Эстер звонит где-то на кухне. Бегу туда, рассчитывая найти его на рабочем столе рядом с банками с мукой, сахаром и печеньем. Но не тут-то было. Я никогда не подхожу к ее телефону и даже не замечаю звонка, но сейчас мне вдруг делается тревожно. Может быть, Эстер действительно попала в беду; может быть, ей нужна моя помощь. Может быть, звонит сама Эстер – хочет попросить меня о помощи. Например, она заблудилась, ей не хватает денег на такси... ну или что-то вроде того.

Но ведь в таком случае она скорее позвонила бы на мой телефон. Конечно, это логично. И все-таки... Может быть... Включаю духовку вместо подсветки и слушаю глуховатый рингтон. Иду на звук, как сказочные Гензель и Гретель шли по хлебным крошкам в глухом темном лесу. Звук слабый и доносится как будто издалека – или как будто в ушах у меня вата. Я открываю и закрываю дверцы духовки, холодильника, кухонных шкафчиков, хотя это кажется совершенно нелепым – искать телефон в холодильнике. И все же я ищу.

Продолжаю поиски. Телефон умолкает и звонит снова. Я почти уверена, что звонок переключится на автоответчик и все поиски ни к чему не приведут, как вдруг нахожу его в кармане красной толстовки на молнии, которая висит на плечиках в нашем крошечном шкафу для верхней одежды.

Выхватываю телефон, обрушив вешалку, и, глядя, как она падает на пол, нажимаю кнопку приема вызова. На экране вижу: «Неизвестный номер».

– Алло! – кричу я, прижимая трубку к уху.

– Это Эстер Вон? – спрашивает голос на том конце линии.

– Нет, это не она! – выпаливаю я и тут же жалею о том, что поспешила. Наверное, надо было ответить: «Да, это я». Зачем? Затем, что мне любопытно. И дело не только в неизвестном номере. Мне тоже то и дело звонят с неопределяемых номеров. Как правило, звонят коллекторы и напоминают о неоплаченных счетах: старых кредитных картах с отрицательным балансом, по которым я не платила годами, о студенческих кредитах.

– Она дома? – спрашивает низкий мужской голос. Судя по голосу, его обладатель не любит вести светские разговоры, не ценит остроумные ответы или шутки.

– Нет, – говорю я и поспешно добавляю: – Что ей передать? – Почти в полной темноте стараюсь нашарить нашу доску для записи и маркер. Подхожу к криво висящей доске, собираюсь записать имя и номер телефона под загадочной надписью: «Убежала. Скоро буду». Внезапно эта фраза становится очень многозначительной. «Убежала. Скоро буду».

Это написала Эстер, точно! Почерк не мой, а ее. Смесь курсива и печатных букв, слова то с прописной, то со строчной. Почерк у нее одновременно мужской и женский. Вот интересно, когда она сделала эту надпись и почему? Может, на прошлой неделе, когда бегала в книжный магазин поискать забытые очки без диоптрий? Или пару дней назад, когда спешила в Эджуотерский филиал Чикагской публичной библиотеки на Бродвее, чтобы успеть вернуть книгу до закрытия? Эстер помешана на том, что книги нужно возвращать вовремя.

А может быть, размышляю я в ожидании, пока тип на том конце линии решит, передать ей что-нибудь или нет, может быть, она написала это вчера вечером, прежде чем вылезла через окно и спустилась вниз по пожарной лестнице? Да, скорее всего, уверяю я себя. Волноваться нет причин. Эстер оставила мне записку; она скоро будет дома. Ведь так и написано на доске.

«Убежала. Скоро буду».

К моему замешательству, тип на том конце линии сухо отвечает:

– Это личное дело. – Голос у него сдавленный. – Сегодня у нас была назначена встреча. Она не пришла.

Судя по всему, он не считает «личным делом» сведения о небрежности и забывчивости Эстер. Чего нельзя сказать о том, как его зовут или о причине его звонка. На заднем плане слышны звуки, которые я изо всех сил пытаюсь расшифровать: машины, плеск волн, бетономешалка. Правда, я ни в чем не уверена. Все звуки сливаются в общий шум. Гвалт. Грохот.

– Я передам, что вы звонили... – говорю я, ожидая, что мой собеседник назовется. Или скажет, зачем звонил.

– Я сам перезвоню, – говорит он и нажимает отбой. Я стою босиком на черно-белой плитке; ноги у меня мерзнут. Телефон темнеет. Провожу пальцем по экрану. Телефон требует ввести пароль. Как пароль?! Ах ты... Сердце у меня бьется чаще.

Я наугад тычу в экранную клавиатуру. После очередной попытки меня предупреждают о блокировке. Телефон перезагружается. Мне приходится ждать целую минуту – шестьдесят долгих секунд, за которые можно сойти с ума от злости – пока мне снова предложат ввести пароль. То же самое повторяется еще раз. И потом опять.

Я не самая умная личность на свете; мне довольно часто об этом напоминают. Поэтому не слишком удивляюсь, сообразив: я понятия не имею, как войти в телефон Эстер, не зная ее пароля и не имея отпечатка ее пальца. Радует одно: неизвестный абонент обещал перезвонить. Ворчливый голос на том конце линии сказал, что он перезвонит сам.

В следующий раз поступлю умнее, внушаю я себе. Непременно!

Алекс

Вечер у нас дома. Я готовлю ужин. Отец смотрит телевизор, закинув ноги на старый кофейный столик; в руке у него бутылка пива. Он пьян, но еще что-то соображает. Может отличить левую руку от правой – иногда это для него большое достижение. Когда я вернулся домой с работы, он не спал. Тоже успех. Похоже, ему и душ удалось принять. Он надел чистую полосатую рубашку, и от него больше не несет жутким одеколоном и нечищеными зубами, как утром, когда я уходил на работу. Теперь от него воняет только перегаром.

По телевизору футбол. Играют «Детройтские львы». Отец разговаривает с телевизором, орет на него.

В духовке куриные нагетсы; на плите подогревается банка зеленой фасоли. Отец заходит на кухню за пивом, предлагает бутылочку и мне.

– Мне восемнадцать, – отвечаю я, глядя в его заплаканные глаза. Вряд ли он сейчас что-то соображает.

На дверце холодильника рисунок, который я нарисовал лет десять назад, – космос: солнце, луна и звезды, Нептун, Юпитер. Я нарисовал его восковыми мелками. Он пообтерся по краям, одного уголка не хватает, и он миллион раз выпадал из магнитной рамки. Цвета тоже поблекли. Как и все в последнее время – похоже, все блекнет.

В той же магнитной рамке открытка от матери. Когда она пришла, я выкинул ее, но отец нашел ее в мусорном ведре и вытащил, отряхнув хлебные крошки и колбасные обрезки. Открытка отправлена из Сан-Антонио. На ней написано «Аламо».

«Не сердись на нее», – сказал отец, достав открытку из мусорного ведра. А потом повторил то, что говорит всегда, когда речь заходит о матери: «Она старалась как могла».

«Как скажешь», – ответил я перед тем, как выйти из комнаты. Интересно, можно ли одновременно ненавидеть человека и жалеть его? Сейчас мне ее точно жалко. Видимо, она просто не создана для того, чтобы быть матерью.

Вместе с тем я ее ненавижу.

Отец пьян в стельку, и чем больше он пьет, тем больше думает о матери. О том, как она нас бросила много лет назад, сбежала, даже не попрощавшись. А он до сих пор хранит их свадебный снимок в рамке – он висит в спальне на стене. И обручальное кольцо еще носит, хотя с тех пор, как мать ушла, прошло целых тринадцать лет. Мне тогда было пять. Я был совсем маленьким, играл в «Лего» и собирал фигурки из «Звездных войн». Вот когда она ушла. По-моему, обручальное кольцо давно пора снять и выкинуть.

Нет, я не затаил на нее зло – ничего подобного. Просто думаю, что я бы обязательно выкинул кольцо. Или отнес в ломбард – отец ведь заложил мое кольцо с выпускного, а деньги пропил. А обручальное кольцо отца становится животрепещущей темой, когда он идет на свидание с очередной одинокой дамочкой. Правда, тема уже успела всем изрядно надоесть и скоро совсем иссякнет. По-моему, отец уже успел сходить на свидание со всеми одинокими дамочками в нашем городке. Кроме, может быть, Ингрид – думаю, причин объяснять не нужно, ведь у нее агорафобия. Отец встречается с дамочками в разных питейных заведениях, набирается там и рассказывает, как мать бросила семью, когда мне было пять лет. Наверное, надеется своим рассказом вызвать сочувствие, а на самом деле выглядит как полный болван.

Потом отец начинает плакать, дамочки пугаются и сбегают. Они напоминают мне старые жестянки, которые выстраивают в ряд, чтобы упражняться в стрельбе. Отец очень удивляется, почему он по сей день один. Жалкое положение! Вместе с тем он мой отец; мне и его тоже жаль.

Я выкладываю нагетсы на тарелку, фасоль на блюдо с обколотыми краями и зову его ужинать; он ковыляет на кухню с пивом в руке и занимает место во главе стола – единственное место, откуда видно телевизор.

– Лови мяч, мать твою! – орет он, со всей силы бьет по столу потной ладонью, вилка подпрыгивает и падает на пол. Отец нагибается за ней, ударяется головой об угол деревянного стола и ругается. Потом он смеется – на лбу надувается и краснеет шишка.

Очередной вечер в нашем доме.

Сегодня мы светских разговоров не ведем. Я демонстрирую хорошие манеры – намазываю масло на хлеб ножом, беру фасоль вилкой, а не руками, и так далее. Смотрю, как отец вываливает в свою тарелку полпачки маргарина, и думаю: ничего удивительного, что он до сих пор один. Он мог гораздо больше предложить матери, когда был молодым, трезвым и у него была работа. Естественно, ничего этого сейчас нет. Но ушла она вовсе не поэтому. А почему? Все дело в материнстве. И во мне. Впрочем, стараюсь не забивать голову такими мыслями.

– Ешь вилкой, – замечаю я, увидев, как он хватается фасоль руками, запихивает в рот и чавкает.

Не обращая на меня внимания, он орет на телевизор, брызгая зеленой слюной.

– Фальстарт! – Он вскакивает с места и тычет пальцем в судью. Можно подумать, судья его слышит! – Ты что, слепой, козел? Был фальстарт!

Потом он снова садится.

Я смотрю, как он сидит за столом и ест. Замечаю, как трясутся у него руки. Интересно, отец понимает, что у него тремор, или нет? Я-то понимаю. Руки у него трясутся мелко и быстро всякий раз, как он что-то ими делает: берет куриный наггетс, отвинчивает крышку очередной пивной бутылки. Он напоминает мне дедушку, хотя у дедушки руки тряслись только от старости. Иногда отца так трясет, что мне приходится самому открывать ему пиво. Скажете, это непоследовательно? Чем больше он пьет, тем меньше дрожат у него руки; реакция парадоксальная. Руки находят покой, когда он совершенно нагрузится. Кажется, все должно быть наоборот, и все же дрожащие руки сразу говорят мне о том, сколько еще ему нужно выпить. Никогда не стоит спрашивать, сколько еще ему нужно выпить; либо он так пьян, что ничего не соображает, либо врет.

Сегодня отец явно выпил недостаточно.

Он снова быстро вскакивает и на чем свет стоит ругает тренера, который вдруг вскочил со своей скамейки и выбежал на поле. Ненадолго он снова садится, но почти сразу же вскакивает, когда мяч выбили из рук бегущего защитника. На этот раз он переворачивает стул. Он в ужасе смотрит, как «Гиганты» трусят по полю с мячом. Мне даже голову не нужно поворачивать, чтобы смотреть телевизор. Отец все повторяет, и я жду, когда он швырнет в телевизор недоеденный ужин. Вскоре он идет к холодильнику за пивом, проклиная всех «Львов» на поле.

– Сквоттеры! – вдруг произносит он, и я не сразу обращаю на него внимание. Наверное, он снова комментирует происходящее на экране. У кого-нибудь такая или похожая фамилия, или он так прозвал кого-то из тренеров или игроков. – Сквоттеры гребаные! – повторяет он. – Ты меня слышишь?

И тут я понимаю, что он все-таки обращается ко мне. Рубашка у него мокрая; ему все же удалось пролить на нее пиво. К подбородку прилип стручок фасоли. Вид тот еще!

Неожиданно я понимаю, что отец смотрит вовсе не на меня. Оборачиваюсь, слежу за его взглядом. Он смотрит в окно на ту сторону улицы. И тогда я снова вижу, как в доме напротив загорается и гаснет свет: есть – нет.

Как непроизвольное подергивание мышц. Как судорога. Тик.

Есть – нет.

Отец повторяет:

– Сквоттеры гребаные, опять заселились!

Он имеет в виду желтый, как школьный автобус, дом напротив. Дом, что называется, «с богатым прошлым»; про него предпочитают не говорить, хотя все о нем знают. Не в первый раз там селятся сквоттеры – незаконные захватчики. В разное время там обитали самые разные

подонки общества. Вселится туда какой-нибудь бродяга, поживет немного и уходит. Обычно незаконные жильцы уходят сами, соседям не приходится вызывать полицию. И все же неприятно сознавать, что в пустом доме напротив нашего обитает какой-то бездельник.

На заднем дворе с ветки старого дуба свисают самодельные качели, сделанные из автопокрышки. Их тоже забросили, как и дом. В одном окне по-прежнему висят занавески, старомодные «паутинки». Наверное, когда-то они были белыми, а теперь желтоватые, с дырами в нескольких местах – как если бы кто-то надрезал их с углов ножницами. Скорее всего, кружево проели мыши. Вокруг дома валяется цементная крошка, похожая на измельченное печенье; ею завален и бывший газон. Рядом стоят таблички: «Посторонним вход воспрещен» и «Опасно для проживания». Ярко-оранжевые надписи выделяются на черном фоне. Их трудно не заметить. Но сквоттеры не обращают на них внимания. Плюют на предупреждения и селятся в доме. Вот и сейчас там живет какой-нибудь бездельник, а может быть... Нет. Я качаю головой.

Повторяю, в привидения я не верю. Но, похоже, я такой один. Все остальные жители нашего городка очень горячо верят в потусторонние силы.

В каждом американском городишке можно отыскать хотя бы один дом с привидениями.

У нас – так уж получилось – такой дом как раз напротив нашего. Не знаю семью, которая раньше жила в том доме. Сейчас, говоря про дом напротив, все наши соседи называют его просто «тот дом». Он пустует уже много лет, жильцы покинули его еще до моего рождения. Почему-то я никогда не интересовался, кто там жил – мне было все равно. По-моему, прежние соседи давно умерли, оставив после себя обрывки воспоминаний о когда-то счастливой семье и заброшенном доме. Единственная обитательница «того дома», о которой все говорят, – мертвая Женьевева, хотя в основном ее называют просто «она», а иногда даже «оно» или «существо», отказывая ей в праве быть человеком. Некоторые уверяют, что видели призрак Женьевевы, существо, которое перемещалось по комнатам. Ее душа навечно заключена там, как в тюрьме. Но я-то понимаю, как глупо верить в подобные байки. Рассказчики просто пудрят мозги. Никаких привидений не существует.

– Сквоттеры гребаные, – в последний раз повторяет отец, вставая из-за стола. Спотыкаясь, он бредет к холодильнику за очередной бутылкой пива. Колпачок кладет на рабочий стол; потом идет в гостиную, где продолжает смотреть футбол. Грязную тарелку он оставляет мне, зная, что я ее вымою. Салфетка валяется на полу, и я ее подбираю.

Куин

Мне не приходится слишком долго ждать.

Я по-прежнему стою на кухне и держу в руке телефон Эстер. И вот он снова звонит. Я вздрагиваю от неожиданности и вижу на экране номер. Он местный, начинается с кода 773. Слышу женский голос – доброжелательный и приветливый. Скорее всего, это моя ровесница, хотя по телефону трудно определить возраст, потому что я, разумеется, ее не вижу.

Когда она спрашивает Эстер, я быстро отвечаю:

– Да, это я.

Очень забавно выдавать себя за Эстер. Я очень высоко ее ценю. Если на свете и есть человек, на кого я хочу быть похожей, то это Эстер. Она красивая, умная и добрая. Иногда она бывает бесстрашной и отважной; к тому же она отличная соседка.

Но все мои соображения быстро отходят на второй план, когда неизвестная девушка объявляет:

– Я по вашему объявлению в «Ридере».

– Какому еще объявлению? – спрашиваю я, ненадолго забывая, что выдаю себя за Эстер. Потом начинаю соображать. Наверное, она что-нибудь продает – скорее всего, расчищает свой бокс на складе. Вдруг кому-то понадобилась ее старая лавовая лампа? Такие лампы давным-давно вышли из моды.

– Объявлению о поиске соседки, – отвечает моя собеседница, и у меня пересыхает во рту. На какое-то время я лишаюсь дара речи. – Вы уже нашли кого-то? – спрашивает она, и проходит куча времени, прежде чем ко мне возвращается способность говорить.

В голове у меня кружится тысяча мыслей, но главная из них вопрос, которым я задаюсь снова и снова: зачем? Зачем Эстер поместила объявление в «Ридере», зачем она ищет новую соседку, зачем она хочет от меня избавиться?

Мне больно. Чувствую себя так, словно Ромео ударил меня кинжалом в спину. Вспоминаю свои преступления: да, я неряха; часто плачу не половину квартплаты, а всего сорок пять процентов, у меня почти никогда не бывает наличных на оплату своей доли коммунальных расходов... А еще я часто оставляю свет зажженным и забываю выключить воду.

И все-таки... Эстер ведь тоже неряха! Я невольно думаю: «Эстер, как ты могла так поступить со мной?» Думала ли она о том, куда я денусь после того, как она меня вышвырнет? Обратно домой в «одноэтажную Америку», к родителям и гениальной сестричке Мэдисон? Да ни за что на свете! Эстер могла бы прямо сказать, что ей во мне не нравится; мы бы все обсудили... Она хотя бы могла предупредить меня заранее, что хочет найти новую соседку! У меня было бы время поискать себе новое жилье... У меня сжимается сердце. Я считала Эстер своей подругой! Выходит, ошибалась. Наверное, Эстер была мне просто соседкой – и не более того.

– Если нашли, ничего страшного, – говорит моя собеседница, но я откашливаюсь и, изображая радость, отвечаю:

– Нет, не нашла. Очень рада, что вы позвонили. – И я договариваюсь о встрече с девицей, которая должна меня заменить; она займет мое место за кухонным столом, мое место на розовом диване. Скоро она займет мою комнату и станет лучшей подругой моей бывшей лучшей подруги, а меня выкинут, как остатки вчерашнего ужина.

Я жалею себя: остаюсь совсем одна в большом городе, без Эстер. Мне не по карману снимать в Чикаго квартиру одной. Наша с Эстер квартира стоит тысячу сто долларов в месяц, что для Чикаго очень дешево. Эстер живет здесь уже много лет; вот почему ее квартира дешевле, чем такие же по соседству. Все дело в законе о контроле над ценами. Если бы я сегодня пришла к миссис Бадни и сказала, что хочу отдельную квартиру, такую же, как та, которую снимаю

пополам с Эстер, она сдала бы мне квартиру не за тысячу сто, а за тысячу шестьсот долларов в месяц. Таких денег у меня и близко нет.

Я соглашаюсь встретиться с моей заменой завтра после работы в маленькой кофейне на Кларк-стрит. Мы прощаемся, я захожу на сайт «Ридера» и, разумеется, нахожу там объявление: «Девушка ищет соседку в 2-к. кв. в Андерсонвилле. Отличное местоположение. Звонить Эстер» – и номер ее мобильного телефона рядом с фотографией дорожки у нашего крыльца. Дорожка завалена осенними листьями. Судя по всему, снимок сделан недавно – вчера или позавчера.

«Ну почему, Эстер? – с горечью думаю я. – Почему?!»

Понедельник

Алекс

Я встаю рано, задолго до рассвета, и собираюсь на улицу. Нужно сходить в центр и купить Ингрид обещанные продукты. Утро такое морозное и ветреное, что трудно дышать. Холодный воздух обжигает легкие; пока я закрываю и запираю за собой дверь, у меня замерзают пальцы и уши. Отец еще спит.

С собой у меня счета – по пути брошу их в почтовый ящик. Я оплатил их из своей зарплаты за прошлую неделю. Со счетом за газ прислали уведомление: если мы не оплатим счет, нам отрежут отопление. Счет пришел неделю назад, и отец еще бурчал: пора ему взять себя в руки и найти работу. Рад, что он принимает хоть что-нибудь близко к сердцу.

По пути к почтовому ящику я не сжигая взгляда со старого, заброшенного дома напротив, выискивая признаки того, что там снова поселились сквоттеры – и вообще признаки жизни. Надо сказать, дом довольно уродливый. Он портит нашу во всем остальном приличную улицу. Конечно, и у нас есть пустующие дома, заложенные без права выкупа. Есть и свои долгострои: на заросших лужайках валяются кучи фанеры, досок и прочих стройматериалов. К сожалению, жилищный кризис – примета нашего времени. Потомки будут читать о нем в учебниках истории. Отчего-то приятно сознавать, что даже эти заброшенные, полуразвалившиеся, недостроенные дома войдут в историю.

По соседству с нами живут в основном работяги; многие приезжают сюда из других городков, есть такие, которые ездят из Портейджа, Индианы или Хобарта. Они получают зарплату раз в неделю, и ее едва хватает на коммунальные расходы. Наши соседи в основном трудятся в обрабатывающей промышленности; кое-кто устроился в розничной торговле – в каком-нибудь местном магазине. Нам и нашим соседям, «синим воротничкам», деньги достаются нелегко, и все же мы находимся на ступеньку выше обитателей трущоб в районе Эмери-Роуд. Там живут получатели субсидий, низкооплачиваемые работники, которым правительство доплачивает до минимального размера оплаты труда. Словом, хотя в нашем квартале есть и другие необитаемые дома, все говорят только об одном: желтом, как школьный автобус, строении напротив моего дома.

Тот дом не всегда был позором нашего квартала, портившим пейзаж. Хотя на моей памяти он всегда стоял заброшенным, кое-что я слышал от соседей. Иногда они стоят в своих палисадниках, скрестив руки на груди, и мрачно смотрят на желтый дом, качая головой. Они уверяют, что дом напротив не всегда был таким. «Стыд и позор», – говорят они. Было время, когда в том доме жила семья и он выглядел уютно. Соседи хотели, чтобы его снесли, но банку, которому принадлежит участок, невыгодно платить за снос. Это дорого стоит. Поэтому его оставили в теперешнем состоянии. Сколько себя помню, он всегда считался позором нашего квартала. Как и все остальные, я хочу, чтобы его сровняли с землей и, так сказать, избавили от страданий.

Конечно, многие рассказывают о призраке Женевиэвы. Дети (по неведению, по глупости или от того и другого вместе) подкрадываются к самым окнам и заглядывают внутрь, стараясь разглядеть ее венки через стекла. Конечно, к заброшенному дому ходят не только дети. Некоторые взрослые тоже уверяют, будто видели крошечное привидение в белом, которое плавает из комнаты в комнату, потерянное и одинокое, и зовет маму.

В местной средней школе придумали своего рода ритуал посвящения: нужно провести ночь в доме с привидением. Я сам участвовал в таком ритуале, когда мне было двенадцать. Ну то есть как участвовал? Нас хватило на пару часов, не больше. Самое трудное было выбраться

из собственного дома так, чтобы не заметили родители, хотя мой отец в тот вечер так напился, что ему было плевать, дома я или меня нет. Но другие парни вваливали родителям, говорили, что остаются ночевать у приятелей. А одному пришлось долго ждать, пока родители заснут, и выбираться через окно спальни на втором этаже. Повторяю, ночь в заброшенном доме считалась своего рода посвящением; после такого подвига смельчаков переводили из категории «ботанов» в высшее общество. И все после ночи с привидением. В общем, мы провели там ночь – во всяком случае, попытались. Мы заранее запаслись фонарями, складными ножами, биноклями и едой; мы без конца подначивали друг друга – слабо провести ночь в желтом доме с привидением? Почему? Не спрашивайте. Мы так делали, и все.

Мы прихватили с собой дешевую камеру-«мыльницу», чтобы на следующий день похвастать в школе своими снимками. Доказать, что мы смельчаки. Провели ночь в доме с привидением и остались в живых. Один мой приятель запасся прибором ночного видения, другой – портативной видеокамерой. Еще один прихватил из дома какую-то штуку – он уверял, что это тепловизор (кстати, соврал). Мы проникли в дом через разбитое окно – я поцарапал подбородок об осколок – и раскинули лагерь в бывшей гостиной бывшей счастливой семьи. У нас были спальные мешки, подушки и все прочее. Мы фотографировались по отдельности и все вместе на фоне затянутого паутиной камина, на старом, продавленном диване, кишевшем клопами, и на пороге ее комнаты. Ее комнаты. Комнаты Женеьевы.

Судя по многочисленным рассказам, Женеьева была ужасным ребенком. В пятилетнем возрасте ее не раз ловили на том, что она разоряла птичьи гнезда и отрывала по одной лапки у пойманных жуков. Такие вещи обычно хорошо запоминаются. Малышка Женеьева залезала на деревья и выбрасывала из гнезда птенцов малиновки, а потом она спрыгивала с дерева и наступала на беззащитных птенчиков, а вокруг нее вилась мама-малиновка, которая никак не могла спасти их. Ровесники Женеьевы, разумеется, давно выросли и разъехались кто куда, но их родители по-прежнему живут в нашем городке. Все они говорят, что их дети не хотели играть с Женеьевой. Женеьева была жестокой. Женеьева была злой. Она дергала детей за волосы; она обзывалась нехорошими словами. Она заставляла их плакать. Из-за нее многие дети жаловались, будто у них болит живот. Они не хотели идти в школу, потому что там была Женеьева. Она дралась, лягалась и кусалась. Она была вспыльчивой злокой, во всяком случае, я так слышал. Не просто капризной маленькой девочкой – многие пятилетки дуются, часто ноют и плачут. Судя по тому, что о ней рассказывают, в пять лет на нее уже можно было надевать смирительную рубашку или, по крайней мере, давать ей психотропные препараты.

Ничего удивительного, что полгорода уверено: она вернулась как привидение, чтобы преследовать их даже после своей смерти.

Мы с парнями выдержали в том доме несколько часов, а потом сообразили, что там не одни, и убежали.

Правда, привидениями там и не пахло. Зато нас одолели крысы. Проклятые крысы! Они водились на чердаке. Мы не досидели и до одиннадцати вечера, когда они спустились вниз на запах еды.

После смерти Женеьевы прошло много лет, но соседи уверяют, что по ночам из дома доносятся странные звуки. Детский голосок поет колыбельные, кто-то плачет. Лично я не сомневаюсь: в пустом доме просто завывает ветер.

Но другие считают иначе. Особо суеверные личности стараются вообще не ходить мимо нехорошего дома. Они специально переходят на противоположную сторону улицы. Другие, идя мимо, задерживают дыхание, как будто проходят по кладбищу, и стараются не шуметь, чтобы не потревожить духов мертвецов. Еще кое-кто, проходя мимо дома, сжимает кулаки, убирая внутрь большие пальцы, правда, я не знаю почему. Знаю просто, что кое-кто так делает. Суеверия, связанные со смертью, у нас распространены очень широко. Если видишь свою тень без головы, значит, скоро умрешь. Сова, которая ухает днем, предвещает чью-то смерть. Птица,

которая бьется в окно, тоже означает, что смерть близка. Смерть приходит три раза. А покойников надо выносить из дому вперед ногами. Всегда.

Ни во что такое я не верю. Для этого я слишком скептик.

Самое смешное, Женьевьева даже умерла не в том доме. Жила-то она, конечно, там, а умерла в другом месте. Так с какой стати там должен обитать ее призрак?

Но, может быть, я слишком прагматичен.

Куин

Наступает вечер, ступают сумерки, а Эстер все нет.

На следующий день я с трудом выхожу на улицу и тащусь на работу, хотя больше всего мне хочется сидеть дома и ждать Эстер. Она может вернуться на вторые или на третьи сутки, если верить диспетчеру службы 311, а Эстер нет всего сутки.

Семьдесят процентов пропавших уходят добровольно; это тоже она мне сказала. А еще я знаю, что Эстер ищет новую соседку – хочет меня заменить. Пораскинув мозгами, я прихожу к выводу: исчезновение Эстер как-то связано со мной и моей небрежностью. Я уже поняла, что я – никудышная соседка. Да, возможно, я в чем-то виновата, но лучше мне не становится. Эстер как будто врезала мне ногой в зубы. Оказывается, она хочет меня выставить...

Но я не могу сидеть дома еще два дня и ждать, что Эстер появится, как по волшебству. Мне нужно ходить на работу и надеяться: когда она вернется, мы все обсудим. Если она вернется.

Утром в понедельник я сажусь на двадцать второй автобус и еду в центр. Сама не знаю, почему я решила надеть короткую юбку. На каждой автобусной остановке – а автобус останавливается буквально на каждом перекрестке – двери открываются, и в салон врывается морозный ноябрьский воздух и нападает на мои голые ноги. На мне колготки, не поймите меня неправильно, но тонкие колготки совершенно не защищают от безжалостного ветра в Городе ветров, как называют Чикаго. В сумке у меня туфли-лодочки, на ногах – спортивные туфли; я воплощение работающей женщины. Видела бы меня сейчас моя мать! Она бы гордилась мною.

На мне наушники, в планшете, лежащем на коленях, играет музыка. По крайней мере, музыка заслоняет меня от кашля, чихания и сопения окружающих пассажиров. Я даже могу притвориться, будто меня здесь нет, хотя ласковый голос Сэма Смита, который уговаривает меня остаться, – совсем не плохое начало дня. Какой-то болван приоткрыл окошко, и температура в салоне автобуса стремительно падает. Я плотнее укутываюсь в куртку и рявкаю на сидящего сзади мужчину, чтобы перестал трогать мои волосы. Я вижу его уже не в первый раз. Это бездомный, бродяга; наверное, все, что насобирал на улицах, потратил на билет, чтобы хоть немного согреться. Не потому, что ему некуда ехать, а потому, что он никуда не едет. Он катается на автобусе, потому что в автобусе тепло. Едет, пока его не выгоняет водитель, а потом сходит. Клянчит еще денег и, как только набирает еще два доллара, платит за проезд и снова катается.

Мне его немного жаль. Совсем немного.

Но если он еще раз до меня дотронется, я пересею.

Впереди показывается центр города – Петля; чем дальше мы от Андерсонвилля, тем выше здания. Проезжаем Аптаун, Ригливилль, Панораму, Линкольн-парк.

Двадцать второй автобус, покачиваясь, едет по Кларк-стрит, а у меня руки покрываются гусиной кожей и холодок пробегает по затылку, лаская мои длинные золотистые локоны. Я страшно злюсь. Эстер пытается меня заменить.

Больно, как бывает, если прищемишь мизинец – или когда выходит камень из почки. Очень больно. Нет, еще больнее – как будто прищемила пальцы дверцей машины. Я хочу заорать и разрыдаться. В сердце пусто; теперь я знаю, что мне скоро негде будет приклонить голову. Я слышала, как вчера говорила та девушка, что звонила Эстер, – доверчиво и бодро она объявила: «Я по вашему объявлению в „Ридере“... Объявлению о поиске соседки».

Она еще не знает, что меньше чем через год Эстер и ее заменит.

Я выхожу из автобуса и семеню к моему офисному зданию, небоскребу на Уобаш-авеню. Он высокий и черный; на пятидесяти одинаковых этажах одни конторы. Когда-то из окон верхних этажей открывался великолепный вид, но теперь его загораживает более новый монстр:

девяти-десятиэтажный небоскреб из стали, с зеркальными стенами, который возвели почти за одну ночь, точно напротив моего рабочего места, на противоположной стороне улицы. Старшие партнеры нашей компании, которые выбрали себе огромные кабинеты с панорамным видом, очень раздосадованы тем, что они больше не видят из окон озера Мичиган. Они брюзжат и ругают эгоиста – какого-то промышленного магната, потому что его супернебоскреб все для них загородил.

Проблемы первого мира.

Я сажусь в лифт и поднимаюсь на сорок третий этаж. Улыбаюсь девушке-администратору; она улыбается мне в ответ. Я почти уверена, что она не знает, как меня зовут, но хотя бы больше не требует у меня пропуск. Работаю здесь уже почти год, триста шестьдесят дней. Работа мне совсем не нравится; должность референта на тотемном столбе ниже даже уборщика, человека, который подметает полы и моет туалеты.

Я устроилась сюда по одной-единственной причине: здесь платят. Немного, но платят. Кроме того, мне с моим гуманитарным дипломом из второразрядного колледжа на многое рассчитывать не приходится. Но с такой работой я справляюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.